

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВО ФРАНЦИИ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ¹

Обзор П. Беркова

I

В середине XVI в. история литературы возникла, как наука «универсальная», изучающая литературные произведения всех веков, стран и народов, написанные на «универсальных» языках—латинском, греческом и древнееврейском. Однако, по мере того, как в рамках отдельных государственных единиц упрочивалось положение буржуазии и под напором новых идеологических требований ослабевало средневековое «универсальное» мировоззрение, падало обаяние идеи вселенской монархии, возникали, отрываясь от римской церкви, новые религиозные учения,—по мере падения прежнего «универсализма» в науке, приобретающей все более и более буржуазный характер, начинает проявляться интерес к культурной жизни отдельных наций. Литературоведческие работы поздних итальянских, немецких, английских гуманистов появляются сперва, как факты единичные, не осознаваемые в плане методологическом; но к концу XVII в. «этнографический», как его тогда называли, момент в изучении истории литературы выдвигается все настойчивее. В 1710 г. появляется даже специальный трактат Михаэля Лилиенталя (1686—1750): «Consultatio de historia litteraria certæ cujusdam gentis scribendæ» («О необходимости написания истории литературы отдельных племен»). Попытка эта, по словам современника, удалась автору в достаточной мере².

Постепенно появляются работы не только по истории национальной литературы того народа, к которому принадлежит автор такой работы, но и посвященные другим литературам и народам, иногда даже и раньше, чем появляются самостоятельные работы об этих литературах на их национальных языках.

В круг западно-европейских литературных изучений русская литература попадает лишь в XVIII в. Неудивительно, что первые труды о ней выросли на германской и шведской почве, т. е. в соседних странах, близко заинтересованных «московитскими делами»³.

Во Франции с русской литературой стали знакомиться позднее, чем в других европейских государствах⁴. Это и было естественно, если вспомнить, что первый французский купец, прибывший с коммерческими целями в Россию, Жан Соваж из Диеппа, приехал в Архангельск, единственный русский порт в допетровскую пору, лишь в 1586 г., когда английская, немецкая и голландская буржуазия имела уже с Россией длительные торговые связи⁵. Хотя в докладной записке, поданной французскими купцами в 1628 г. главе правительства, кардиналу Ришельё,—на предмет создания обширной северной торговой компании, которая сосредоточила бы в своих руках все коммерческие отношения Франции с Швецией, Данией и Россией,—и указывалось, что лет шестьдесят назад вся торговля с Московией находилась в руках французов⁶, однако, фактически это было не так. Торговые связи Франции с Россией до XVIII в. носят случайный и второстепенный характер.

Следствием этого является и тот факт, что среди так называемых сказаний иностранцев о России сравнительно небольшое число принадлежит французам. Знание русского языка среди французов до XVIII в. не встречалось почти вовсе. Когда в 1654 г. прибыл в Париж русский дипломатический агент с письмом от царя Алексея Михайловича, среди парижан не оказалось ни одного, владевшего в какой-нибудь мере русским языком; из затруднения вывел проживавший тогда в Париже фламандец Вильнер, уроженец Москвы, не владевший, однако, французской речью. С помощью банкира-француза, знавшего по-фламандски, и через посредство Вильнера московский посол вел переговоры с французским правительством⁷.

Правда, через шестьдесят лет после этого (1715) французы уже могли поднести приехавшему во Францию Петру I описание Парижа на русском языке⁸, тем не менее, Россию и русскую культуру во Франции знали очень мало⁹. Французские дипломаты подчеркивали, что нравы и обычаи французов так разнятся от нравов России, что нет вероятности, чтобы эти две нации, столь различные, остались надолго в согласии¹⁰.

Наконец, независимо от общего отношения к русским и к русской культуре, и сама русская литература не располагала в то время ничем таким, что могло бы представить интерес для западного, в частности, французского, читателя. Однако, надо полагать, что французским ученым все же была известна статья врача М и х а и л а С х е н д а ф а н д е р Б е х а: «Современное состояние русской литературы» (*Mich. Schend vander Besh, Præsens Russiæ litterariæ status*). Написанная в 1725 г., помещенная в венских «*Acta physico-medica Academiæ Cæsareæ Naturæ Curiosorum*», 1727, т. I (прилож., стр. 131—149), она была перепечатана в ряде изданий того времени, между прочим, и в пользовавшемся большим распространением итальянском ученом журнале «*Galleria di Minerva*». В статье М. Схенда фан дер Беха упоминаются в качестве деятелей русской науки и поэзии Феофан Прокопович, Феофилакт Лопатинский, А. Кондоиди, кн. Дмитрий Кантемир, отец сатирика, Гавриил Бужинский и др.¹¹.

Около этого же времени стали создаваться условия и для самостоятельного ознакомления французов с русской литературой. В связи с оживлением экономических и, еще больше, политических сношений Франции с Россией, на русскую службу стали в большом числе направляться французские специалисты—инженеры, военные, моряки, живописцы и др.¹². Во вновь открытую Академию наук (1725) приглашаются академики-французы: братья Делили, Ле Руа, позднее Майяр.

Повидимому, их сообщения о состоянии образованности в России, в частности, о положении Академии наук, проникали во французские научные издания того времени. Во всяком случае, в знаменитом «*Journal des Sçavans*» за первую половину XVIII в. встречается, как отметил проф. Т. Буле¹³, ряд сведений о русских ученых и вообще о русской образованности.

Чтобы понять, в каких условиях возникал во Франции в XVIII в. интерес к русской литературе, необходимо, в основных чертах, вспомнить политические взаимоотношения России и Франции за это столетие. В то время как для Голландии, Англии и немецких государств Россия представляла важный рынок, Франция экономически была мало заинтересована в далекой Московии; все попытки завязать более тесные экономические связи терпели неудачу по вине то одной, то другой стороны. Другое дело—политика. На европейском континенте Франция издавна соперничала со «Священной римской империей»—Австрией. Это соперничество привело к ряду войн XVII и XVIII вв.; оно же направляло и линию внешней политики Франции. Вражда к Австрии и интересы левантской торговли—в Константинополе, Малой Азии, Сирии и Египте—заставляли Францию быть в постоянной дружбе с Турцией. Роль Франции в турецких делах в XVIII в. была исключительно

велика. А территориальная экспансия России в XVIII в. была как раз направлена к югу, к Черному морю, побережья которого принадлежали тогда Турции. Таким образом, внешняя политика России в южном направлении сталкивалась с интересами Франции. Так же обстояло дело и с северо-западом. Для ослабления Австрии и отторжения от нее возможных северных союзников, Франция субсидиями и военной инструктивной помощью усиливала Швецию и курфюршество Бранденбург (позднее Прусское королевство) и поддерживала Польшу. Таким образом, и здесь интересы России, стремившейся к принадлежавшему шведам Балтийскому морю, сталкивались с политической линией Франции. Естественно, что при таких условиях вся дипломатия Франции сводилась в отношении России к удержанию последней от союза с Австрией, а позднее—по мере усиления Пруссии—и с последней. Только этими политическими соображениями и диктовались отношения Франции к России в XVIII в. Между тем, в России, особенно в послепетровскую эпоху, эпоху дворянской реакции, возникло естественное тяготение к Франции, где, еще по словам петровского дипломата, гр. А. А. Матвеева, «все шляхетство николи ни мирского, ни духовного правления не отпадает». Задолго до Матвеева, записи которого относятся к 1705—1706 гг., другой русский дипломат отмечал, что «люди во французском государстве человечны и ко всяким наукам, к философским и рыцарским, тщательны. Из иных государств во французскую землю в город Париж и в иные города приезжают для науки философской и для учения ратного строя королевичи и великородные и разных чинов люди»¹⁴. Естественно, что в эпоху дворянской реакции Россия отделяется от постоянной симпатии Петра—буржуазной Голландии и Англии и обращается к дворянской Франции. Начинаются бесчисленные поездки русской знати в Париж: Шуваловы, Воронцовы, Строгановы, Чернышевы

L'ANNÉE LITTÉRAIRE.

ANNÉE M. DCC. LX.

Par M. FRÉRON, des Académies d'Angers, de Montauban, de Nancy, d'Arras, de Caën, de Marseille, & des Arcades de Rome.

Parcere personis, dicere de vitiis. MART.

TOME V.

A AMSTERDAM.

Et se trouve à Paris,

Chez MICHEL LAMBERT, Imprimeur-
Libraire, rue & à côté de la Comédie
Françoise, au Parnasse.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ V ТОМА ЖУРНАЛА
„L'ANNÉE LITTÉRAIRE“ ЗА 1760 г., В
КОТОРОМ БЫЛА ПОМЕЩЕНА ПЕРВАЯ
НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ СТАТЬЯ
О РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

и другие представители правящей русской аристократии во время своих поездок во французскую столицу входят в тесное соприкосновение с тамошней знатью¹⁵; это обстоятельство имело важное значение для развития взаимного литературного изучения России и Франции. Несомненно, русские путешественники воспринимали значительно больше от французов, нежели давали им. Именно с этого времени начинается то явление в жизни русского дворянства, которое носит название галломании. «В царствование императрицы Елизаветы,—вспоминал историк Н. Болтин,—введено было в язык русский множество слов французских, не по нужде, а по буйственному пристрастию ко всему, что называется французским»¹⁶. Французский язык входит в обиход высшего дворянства в России и отдельными лицами усваивается настолько, что, например, французские стихи гр. Андрея Шувалова приписываются парижанами Вольтеру и Лагарпу. В Петербурге возникает даже специальный французский журнал «Le Caméléon littéraire» (1755), в котором принимают участие как французы, так и русские¹⁷. Появление французского журнала не было случайностью. Оно, несомненно, представляло звено в том, что можно назвать «новой русской политической» Франции.

К концу первой половины XVIII в. внешнеполитические интересы версальского двора привели к тому, что дипломатические сношения между Россией и Францией были прерваны: в 1747 г. французский полномочный министр д'Алион, а в 1748 г. и консул Сен-Совёр покинули Петербург, и замещения им не последовало в течение восьми лет. Равным образом, и российскому министру во Франции было предписано демонстративно покинуть Париж, не требуя от короля аудиенции; в отзывной же грамоте указывалось, что «причиною сему недоброхотство французского двора к России и вкоренившаяся ненависть»¹⁸. О той же «вкоренившейся ненависти» говорит и Альфред Рамбо, историк франко-русских дипломатических отношений в эпоху, предшествовавшую революции 1789 г. Характеризуя позицию Франции по отношению к России в начале 50-х годов XVIII в., он прямо называет французскую политику «традиционной враждебностью» («hostilité traditionnelle») ¹⁹. Отсутствие официальных дипломатических представителей в России Франция компенсировала посылкой ряда тайных наблюдателей и агентов, к которым, повидимому, принадлежал и барон Теодор-Генрих Чуди (le Chevalier de Lussy), редактор журнала «Le Caméléon littéraire».

Между тем, осложнение европейского равновесия быстрым ростом Пруссии, прежней союзницы России и Австрии, притязания Пруссии на часть австрийской территории («австрийское наследство»), стремление Франции ограничить влияние Англии на Россию, которую усиленно втягивали в войну против Австрии,—все это заставило Францию изменить свою прежнюю политику в отношении России, возобновить с ней в 1756 г. дипломатические отношения, а в следующем году вовлечь ее в союз с Францией и Австрией для войны с Пруссией («семилетняя» война 1756—1763).

Новая политическая союзница, Россия, вызывает во Франции и литературный интерес. Вольтер, выпустивший в 1759 г. первый том «Истории России в царствование Петра Великого», пишет в мае 1760 г., под псевдонимом «Иван Алетов, секретарь русского посольства в Париже», небольшую поэму «Le Russe à Paris» («Русский в Париже») ²⁰.

В то же время постоянный противник Вольтера, Фрерон, помещает в своем журнале «L'Année littéraire» (1760, № 5, pp. 194—203) первую на французском языке статью о русской художественной литературе: «Письмо молодого русского вельможи», графа А. П. Шувалова²¹. Статья эта любопытна не только по содержанию, но и по своему политическому обрамлению. Дело в том, что письмо Шувалова было вставлено в письмо какого-то француза (не барона ли Чуди?), который, сообщая о существовании в Петербурге русско-французского литературного салона, указывал, что на одном из собраний этого салона было прочтено «Письмо молодого русского вель-

А. П. ШУВАЛОВ

Бюст работы Андре Лебрёна, мрамор,
ок. 1770 г.

Эрмитаж, Ленинград

можи»; сейчас же после этого сообщения анонимный автор приоткрывает свою политическую установку: «Громадное пространство, разделяющее оба государства, существует, как будто, только для того, чтобы сблизить гений, остроумие и самое сердце обоих народов». Не останавливаясь на других литературных произведениях на французском языке, которые связаны с салоном Шувалова и тоже касались культурной жизни России, следует отметить, что деятельность этого литературного общества приходится как раз на особенно важный момент «семилетней» войны, и политическая роль этого салона делается очевидной.

В то же время французский читатель получает возможность ознакомиться с новейшей русской литературой во французских переводах. В 1740 г. были напечатаны в Петербурге «Оды» А. П. Сумарокова с приложением прозаического французского их перевода. В 1749 и 1750 гг. в Лондоне появляются переводы «Сатир» кн. А. Кантемира²². В следующем, 1751 г. кн. Александр Долгорукий переводит трагедию Сумарокова «Синав и Трувор»; в апрельской книжке «Journal Etranger» за 1755 г. (стр. 114—156) был помещен обстоятельный разбор этой трагедии, впоследствии переведенный Сумароковым (Сочинения, 2-е изд., т. X, стр. 162—190); в 1755 г. появляется перевод оперы того же Сумарокова «Цефал и Прокрис»; около того же времени выходит перевод его же трагедии «Семира». В 1755 г. бар. Чуди переводит «Слово похвальное Петру Великому» Ломоносова, которому, однако, перевод совсем не понравился, а в 1765 г. появляются переводы стихов Ломоносова, сделанные прозой гр. Андреем Шуваловым²³.

Таким образом, в течение 1750—1760-х годов французский читатель получил возможность познакомиться с наиболее крупными русскими писателями того времени. Необходимо при этом отметить, что переводы эти, конечно, имели не столько литературный, сколько политический характер, демонстрируя европейскому и, в первую очередь, французскому читателю степень культурного роста России²⁴.

В 1768 г. в лейпцигской «*Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freyen Künste*» (часть VII, вып. 2) анонимно появилась статья «*Nachricht von einigen russischen Schriftstellern*». Автором ее был русский—повидимому, Александр Андреевич Волков²⁵. Вскоре статья эта, содержащая краткие характеристики 42 русских писателей с эпохи Петра Великого и до последнего (к тому времени) момента, начиная с Феофана Прокоповича и кончая мелкими поэтами начала 60-х годов XVIII в., была переведена на французский язык и дважды (в 1771 и 1774 гг.) отдельно издана в Италии, в Ливорно, где стоял во время первой войны с Турцией русский флот. Из предисловий к этим отдельным изданиям лейпцигской статьи, озаглавленным «*Essai sur la littérature russe*», явствует, что издатель перевода не был русским и, повидимому, предпринял это издание с коммерческой целью, в расчете на покупателей из среды русских офицеров. Однако, эта непосредственная цель издания «*Essai*» была мотивирована знакомой уже по предшествующему изложению политической тенденцией: «Славное правление августейшей всероссийской самодержицы и военные подвиги русских ныне обращают на них внимание всей Европы. С тех пор, как Петр Великий насадил в своем царстве науки, этот народ блещет военною славой. Мы полагаем, что Опыт об их литературе может быть только приятен публике»²⁶.

О переводчике или издателе «*Essai*» ничего более или менее определенного неизвестно. Существует только глухое указание, что перевод принадлежал какому-то англичанину Доминику де Блекфорду (*Dominique de Blackford*). Можно только отметить, что предположение акад. М. И. Сухомлинова, что Блекфорд—псевдоним кн. А. М. Белосельского, совершенно неверно: Доминику Блекфорду принадлежат, помимо «*Essai*», еще четыре брошюры, вышедшие в 1771—1772 гг. частью в Милане, частью в Вене и ничего общего с кн. Белосельским не имеющие²⁷.

Несомненно, теми же внешнеполитическими основаниями была вызвана и совпадающая по времени аналогичная работа на французском языке о русской литературе. Это «*Rassуждение о российском стихотворстве*» М. М. Хераскова, помещенное под заглавием «*Discours sur la poésie russe*», в качестве предисловия к переводу его поэмы «*Le combat de Tzémé*» («Чесмесский бой»), СПб. 1771²⁸.

Если самая поэма Хераскова должна была служить литературной формой прославления одного из наиболее важных политических моментов тогдашней русско-турецкой войны, то «*Rassуждение*» имело целью показать, что «язык наш равно удобен для слога важного, возвышенного, нежного, печального, забавного и шутливого... для комедий... для оперы героической и комической», иными словами, что русская литература ни в чем не уступает европейским. В переводе же на язык внешней политики это должно было означать, что Россия представляет силу не только в военном, но и в культурном отношении²⁹. Отметим, что экземпляр этого издания был препровожден тогдашним французским послом в Париж, в министерство иностранных дел, в архиве которого, в отделе «*Correspondance de Russie*», оно хранится до сих пор³⁰.

Как видно было из изложенного, все до сих пор рассмотренные работы представляли произведения русских авторов и были либо ими же самими, либо кем-нибудь из иностранцев переведены на французский язык. В начале 80-х годов XVIII в. почти одновременно, с промежутком в один год, появились обзоры русской литературы, принадлежавшие уже непосредственно французам—Левеку и Леклерку.

В 1782—1783 гг. выходит пятитомная «*Histoire de Russie*» Ле века (*Pierre-Charles Levesque*, 1736—1812), в течение семи с лишним лет состоявшего преподавателем словесности в Петербургском кадетском корпусе³¹. Согласно принятому в XVIII в. пониманию задач историка, Левек включил в свой труд обзор истории просвещения и изящной литературы в России (т. IV, стр. 535—538, и т. V, стр. 331—352). Особенно подробно рассматривает Левек литературу XVIII в., говорит о Ф. Прокоповиче, кн. Кантемире, Тредиаковском, Ломоносове, Сумарокове, Хераскове,

гр. Андре Шувалове и приводит ряд прозаических переводов из произведений Ломоносова, Сумарокова и Хераскова. Выражая настроения руссофильских групп французского общества последней четверти XVIII в., Левек как во всей своей «Истории России», так, в частности, в главе о русской литературе проводит соответствующую точку зрения. «Если отрывки, приведенные только-что мною, недостаточны, чтобы дать полное представление о состоянии литературы в России, они дают, по крайней мере, понять, что русские очень далеки от того варварского состояния, за которое некоторым нравится их упрекать. Эти отрывки дают возможность предугадать, чем станет русская литература, когда она получит у них общее признание и поддержку»³². Сведения о русской литературе у Левека настолько невелики, что можно не сомневаться в том, что он использовал непосредственно свои личные сведения, не прибегая к другим пособиям.

Автор «Histoire de la Russie ancienne et moderne» Леклерк (Nicolas-Gabriel Le Clerc, 1726—1798), излагая историю русской литературы, в главе «Des poètes, des historiens et des littérateurs russes» (т. I, стр. 51—100), воспользовался «Рассуждением» Хераскова, «Опытом словаря исторического о российских писателях» (1772) Н. И. Новикова, которого он благодарит за сообщение сведений о русской литературе (т. I, стр. 96), и, повидимому, «Историей» Левека³³. Статья Леклерка представляет частью пересказ «Рассуждения» Хераскова, впрочем, не называемого им, а частью не вполне грамотный перевод ряда характеристик русских писателей из «Словаря» Новикова. Кроме того, сюда включены собственные переводы Леклерка «Чесмесского боя» и первой песни поэмы Ломоносова «Петр Великий». Далее следуют критические замечания об этой поэме и вообще о творчестве Ломоносова (стр. 140—143), памяти которого, кстати сказать, посвящена часть речи, произнесенной Леклерком в апреле 1765 г., при избрании его почетным членом Петербургской академии наук³⁴.

ESSAI

S U R

LA LITTÉRATURE RUSSE,

CONTENANT UNE LISTE

DES GENS DE LETTRES RUSSES

*Qui se sont distingués depuis le Règne
de PIERRE LE GRAND.*

PAR UN VOYAGEUR RUSSE.

A' LIVOURNE
MDCCLXXI.

AVEC PERMISSION.

ФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРЕВОД
ПОЯВИВШЕГОСЯ В 1768 г. НА НЕМЕЦКОМ
ЯЗЫКЕ АНОНИМНОГО „ОЧЕРКА О РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ“

Титульный лист первого издания перевода,
1771 г.

Несмотря, однако, на большее количество сведений о русской литературе, работа Леклерка пользовалась на Западе меньшей известностью, нежели «История» Левека, на которую довольно часто ссылаются иностранные историки литературы конца XVIII в., говоря о русской словесности.

Начавшаяся вскоре революция вызвала, повидимому, с одной стороны, временную приостановку французских изучений русской литературы, а с другой, благодаря наплыву в Россию эмигрантов, создала условия, при которых французы могли притти в непосредственное соприкосновение с русской литературой.

В первые годы революции, конечно, не появлялось ни переводов русских писателей, ни работ о русской литературе, хотя памфлетная политическая литература о России быстро растет³⁵.

В самом начале XIX в. вышли в Париже из под пера М а н ю э л я - Л е о н а р д а П а п п а д о п у л о и гражданина Г а л л е: «Choix des meilleurs morceaux de la littérature russe», Р., 1800 (два издания в один год) и «Théâtre tragique d'A. Soutarocoff», Р., 1801, 2 vols. (последнее издание—перевод одного лишь Паппадопуло).

Появление этих работ, конечно, не случайно. После перерыва дипломатических сношений между Россией и Францией в самом конце царствования Екатерины и после участия России в контрреволюционной коалиции при Павле, к началу XIX столетия во Франции постепенно создается иное отношение к России³⁶. С конца 1800 г., по инициативе Наполеона, начинаются переговоры о мире и даже союзе с Россией³⁷. Таким образом, переводы Паппадопуло и Галле, с их отчетливой политической тенденцией, никак нельзя рассматривать, как явление случайное, непреднамеренно совпавшее с новой фазой в политике Франции по отношению к России.

Появившаяся в самом конце революционного периода книга Паппадопуло и Галле давала количественно и, пожалуй, качественно не особенно много французскому читателю: одну оду Тредиаковского, шесть од Ломоносова и две песни из его поэмы «Петр Великий», одну трагедию и одну комедию Сумарокова и три отрывка из его исторических и критических произведений. Интерес этого издания заключается в предисловии (*Discours préliminaire*), где высказываются авторами-переводчиками (повидимому, М.-Л. Паппадопуло) общие соображения о русской литературе и о целях данной книги. Сборник этот возник, по словам переводчиков, из желания показать неосновательность общераспространенного в Европе убеждения в совершенном варварстве русских в отношении искусств и наук. «Необходимость основательно познакомиться (*de faire connaître à fond*) с этим народом, играющим в настоящее время столь большую роль и приобретающим с каждым днем все больший и больший перевес в делах, побудила нас осуществить этот перевод» (стр. V); «политика и искусства имели нужду в переводах с русского, чтобы быть в состоянии судить эту нацию, и они, без сомнения, останутся в выигрыше, познакомившись с ними» (стр. VI). Рассматривая свой труд скорее, как «дань общественной потребности, чем литературе» (стр. VI), переводчики считают необходимым предпослать переводам краткие сведения об авторах выбранных ими произведений. Сообщаемые переводчиками данные о Тредиаковском, Ломоносове и Сумарокове довольно точны, хотя и кратки. Но самым любопытным в цитируемом предисловии является анализ трагедии Сумарокова «Дмитрий Самозванец» («*Dimitri le Pseudonyme, ou le Faux*»). Выбор свой переводчики объясняют так: «Из его [Сумарокова] драматических произведений мы взяли трагедию «Дмитрий Самозванец» потому, что она показалась нам более занимательной (*«riquant»*), нежели прочие, по следующим двум мотивам: во-первых, потому, что сюжет ее, почти революционный (*«qui est presque révolutionnaire»*), очевидно, находится в противоречии (*«semble faire contraste»*) с нравами и политической системой этой страны: второстепенные персонажи (Шуйский, Георгий, Пармен и Ксения) произносят речи о правах народа и обязанностях государей. С другой стороны, философия создает

СБОРНИК ПЕРЕВОДОВ
НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК ИЗБРАННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРА-
ТУРЫ, СОСТАВЛЕННЫЙ ПЕРЕВОДЧИ-
КАМИ ПАППАДОПУЛО И ГАЛЛЕ

Титульный лист первого из двух вышедших
в 1800 г. изданий книги

C H O I X
D E S
M E I L L E U R S M O R C E A U X
D E L A
L I T T É R A T U R E R U S S E ,
A d a t e r d e s a n a i s s a n c e j u s q u ' a u
r è g n e d e C A T H E R I N E I I ;
T R A D U I T S E N F R A N Ç A I S ,
P A R M . L . P A P P A D O P O U L O
E T P A R L E C e n . G A L L E T .

A P A R I S ,

C h e z L E F O R T , L i b r a i r e , r u e d u R e m p a r t
H o n o r é , N o . 9 6 1 , d a n s l ' e n f o n c e m e n t , à
c ô t é d u c o r d o n n i e r , p r è s l a r u e d e l a L o i .

A N I X — 1 8 0 0 .

в ней и второй контраст, не менее исключительный («extraordinaire»), и именно там, где с особенной силой подвергается нападению фанатизм. Нельзя было бы поверить, если бы в том не было полной достоверности, что человек, происходящий из народа, наиболее привязанного во всей вселенной к своей религии, сумеет с таким пылом и смелостью напасть на фанатизм римской церкви и что этот самый народ рукоплескал этому произведению и до наших дней терпит его на своем театре; вот одно из тех противоречий, на которые только способен человеческий дух» (стр. XIX—XX).

Касаясь недостатков «Дмитрия Самозванца», переводчики подчеркивают, что «действие в этой трагедии загромождается политическими рассуждениями» (стр. XX) и что «мнения героя о божестве настолько непостоянны, что он является то фанатиком, то атеистом» (стр. XXI). Затем предисловие сопоставляет творчество Сумарокова с творчеством Расина и Корнеля и кончается замечаниями о комедии «Лихоимец».

Бросается в глаза то, что переводчики все время выдвигают те моменты в творчестве Сумарокова, которые делают его близким и понятным французскому читателю революционной эпохи. Отсюда подчеркивание революционности «Дмитрия Самозванца», антиклерикальности Сумарокова, пропаганды им идей патриотизма, столь популярных в ту эпоху, и т. д. Можно, однако, почти безошибочно утверждать, что эта тенденция проводилась только вторым переводчиком, «гражданином Галле» («citoyen Gallet»). К такому выводу приводит то обстоятельство, что во втором переводном издании одного М.-Л. Паппадопуло «Théâtre tragique d'A. Soumarocoff» основная идея предисловия переводчика не революционная, а монархическая: «Утешительно для человечества и для философии видеть, как эта нация [русские], столь долгое время погруженная в потемки невежества, открыла, по следам Петра Великого, поприще знаний и истины и в настоящее время, ободренная его достойными

преемниками, славно соперничает с наиболее цивилизованными народами» (т. I, pp. XII—XIII).

Появление переводов Паппадопуло не прошло незамеченным. Ими в большой мере воспользовался некий Франсуа-Ксавье Пажес (François-Xavier Pagès, 1745—1801). В его «Nouveau traité de littérature ancienne et moderne», Р., 1802, имеется краткий обзор русской литературы (т. I, стр. 323—333, 412—416). Материалы для этого раздела своего труда Пажес черпал из французских переводов русских писателей и некоторых по-французски написанных статей об отдельных русских авторах. Основными его источниками были «Письмо молодого русского вельможи» гр. Андрея Шувалова, «Eπίτρη aux Français» кн. А. М. Белосельского-Белозерского, не содержащее, впрочем, данных о русской литературе, и, в особенности, «Предварительное рассуждение» из упомянутой книги Паппадопуло и Галле. Сведения Пажеса не обширны: он называет кн. А. Кантемира, Сумарокова, Богдановича (в его транскрипции Bogdovitch и Bogdourwitchs), далее князя Кленерцова⁸⁸, которого он считает русским автором, Третьяковского и Ломоносова. Говоря о лирике Ломоносова и Третьяковского, Пажес, судящий об этих авторах по французским переводам, находит, что, несмотря на длинноты, на неровности стиля и отсутствие меры («des choses outrées»), встречаются подлинно изумительные места не только в одах Ломоносова, но даже и у Третьяковского (стр. 325—326); в доказательство этой мысли Пажес приводит из книги Паппадопуло «великолепное», по его мнению, начало оды Третьяковского «На взятие Гданска», являющееся, как известно, переводом «Ode sur la prise de Namur» Буало. Свои суждения о трагедиях Сумарокова Пажес прямо заимствует у Паппадопуло и Галле (стр. 325), и их попытка найти созвучный французской революционной литературе материал в творчестве русского драматурга не показалась Пажесу неубедительной и встретила в нем сочувствие⁸⁹.

Если изучение русской литературы французами в самой Франции не имело в эти годы особенно интенсивного характера, то гораздо более оживленной оказалась деятельность французских эмигрантов в России. Отрицательное отношение Екатерины к Французской революции сразу привлекло в Россию значительное количество эмигрантов⁴⁰. Как на оплот контрреволюции, смотрели на Россию французские эмигранты, находившиеся и в других странах Европы. Активизация русской политики против революционной Франции при Павле, закончившаяся вступлением России в антифранцузскую коалицию, еще больше укрепила позиции эмигрантов. Безусловно, в связи с этим находится интерес, который постепенно пробуждается в эмигрантских кругах к русской литературе.

В 1797 г. в Гамбурге начал выходить издаваемый эмигрантом Ж.-Л.-А. де Бодю журнал «Le Spectateur du Nord». В помещенной в № 1 программе журнала сообщалось о предполагаемом помещении критического разбора недавно вышедшей русской повести «Юлия». В следующем номере, однако, вместо разбора этой повести Карамзина был помещен ее перевод, принадлежащий некоему де Булье (de Boulliers). Поясняя причины подобной замены, издатель в предисловии писал, между прочим: «Эта повесть покажет, что в стране, которую во Франции не отвыкли еще считать несколько варварской, имеются писатели, которые могут соперничать с Мармонтелями и Флорианами»⁴¹. Не лишне отметить, что по-русски повесть Карамзина появилась в 1796 г. и перевод был сделан немедленно после появления повести в оригинале. Вскоре после этого, по просьбе де Бодю, Карамзин прислал статью «Un mot sur la littérature russe», которая была помещена в октябрьской книжке «Le Spectateur du Nord» (стр. 53—72)⁴². В статье Карамзина дается общая характеристика устной словесности, сообщается, впервые вообще в печати, о находке «Слова о полку Игореве», затем следует суммарный обзор русской литературы послепетровского времени и все время проводится мысль, что, несмотря на высокий уровень рус-

ской литературы, она все же еще недостаточно прочна. Перечисляя причины этого явления, Карамзин, между прочим, отмечает, в соответствии со своей тогда еще полупозиционной точкой зрения, что «это происходит потому, что в стране, где чины составляют все, слава писателя имеет мало привлекательного». Указав, что в России больше поэтов, нежели прозаиков, Карамзин, согласно просьбе де Бодю⁴³, во второй части статьи излагает вкратце содержание «Писем русского путешественника».

Вскоре за переводом «Юлии» Карамзина последовали переводы «Марфы Посадницы» (1804—1805), выдержавшей три издания и вновь переведенной в 1818 г., «Бедной Лизы» (1803—1808) и ряда других его произведений⁴⁴. Особенно большое значение имел перевод «Истории государства Российского», сделанный Сен-Тома и Жоффре

Н. М. КАРАМЗИН

Портрет маслом Дамона, 1805 г.

Институт литературы Академии наук СССР, Ленинград

(11 тт., 1819—1826). Перевод этот привлек во Франции серьезное внимание прессы и критики⁴⁵. Почти одновременно появляются переводы из Озерова («Фингал», 1808), Дмитриева (1813), Крылова⁴⁶ и других писателей.

В 1823 г. выходит «Anthologie russe», Р., 1823 (два издания) Эмиля Дюпре де Сен-Мора (Dupré de Saint-Maure, 1772—1854). Таких антологий французские эмигранты выпустили в разных странах изрядное количество, но как ни слабы они вообще, антология Дюпре де Сен-Мора должна быть отнесена к наиболее слабым. Прожив в России довольно короткое время, не владея вовсе русским языком, а пользуясь сообщенными ему дословными переводами, сделанными, повидимому, некоторыми из «переведенных» им авторов, Дюпре де Сен-Мор счел, однако, возможным полагать, что его антология «сможет,—как он говорит в посвящении книги Александру I,—дать во Франции представление о некоторых достойных примечания произведениях поэтов, которые делают честь России»⁴⁷. В «Антологии» даны переводы из Дмитриева, Батюшкова,

В. Л. Пушкина, А. С. Пушкина (из «Руслана и Людмилы»—Руслан у Финна), Озерова, Жуковского, Гнедича, гр. Хвостова, Хемницера, Кантемира, Воейкова, Державина, Д. Давыдова, Боброва, Хераскова и Крылова. В начале книги имеется введение, а переводам отдельных поэтов предпосланы биографические и критические заметки. Как введение, так и вводные заметки составлены были Дюпре де Сен-Мором на основании переданного ему известным впоследствии лексикографом Рейфом перевода «Опыта краткой истории русской литературы» Н. И. Греча, подготовленного Рейфом для печати (1822) и оставшегося неопубликованным.

Посредственная во всех отношениях книга Дюпре де Сен-Мора, тем не менее, вызвала к себе во Франции внимание, но в суждениях о ней отразились отголоски старых событий 1812—1815 гг. В «Journal de Paris» от 2 января 1824 г. появилась на нее рецензия за подписью «В. Л.», за которой скрывался поэт-академик Баур-Лормиан. Тон рецензии был явно недружелюбным в отношении России. «Вот автор, который хочет заставить нас полюбить русских. Мы же знаем их только по их многочисленным батальонам». По мнению рецензента, составитель «Антологии» имеет намерение «убедить своих многочисленных соотечественников, что на берегах Невы есть другой Аполлон».

Рецензия Баур-Лормиана вызвала ответную статью, вышедшую отдельной брошюрой: «Quelques pages sur l'Anthologie russe pour servir de réponse à une critique de cet ouvrage insérée dans le Journal de Paris», P., 1824. Автор ее, Я. Н. Толстой⁴⁸, отвечая Баур-Лормиану, указал, что русская литература уже не совсем неизвестная французам вещь, что в журнале «Revue Encyclopédique» ежемесячно помещаются обзоры новинок русской словесности, что не так давно (в 1822 г.) появился даже целый сборник переводов басен Крылова, сделанный невшателем Рейфом⁴⁹, и т. д. Центром полемики было толкование Баур-Лормианом басни Крылова «Сочинитель и Разбойник»⁵⁰, в которой французский рецензент совершенно правильно увидел выпад против Вольтера. Толстой категорически отрицал это, выдвигая наивное доказательство, что басня, написанная по-русски, для русских читателей, не станет занимать чужеземцем, а обращена, повидимому, против какого-либо русского философа. Сама брошюра Я. Н. Толстого не представляет существенного интереса, однако, в ней обращает внимание указание на особую позицию «Revue Encyclopédique» в отношении русской литературы. Действительно, роль этого журнала в истории знакомства Франции с русской литературой заслуживает специального упоминания.

Журнал «Revue Encyclopédique» возник в 1819 г. и просуществовал до 1833 г. Издававшийся сперва под редакцией М.-А. Жюльена де Пари (Marc-Antoine Jullien de Paris, 1775—1848)⁵¹, а затем Пьера Леру (Pierre Leroux, 1798—1871), журнал этот, в особенности до 1830 г., обращал большое внимание на культурную и специально литературную хронику как Франции, так и заграницы. Уже в первом томе имелись сведения по истории просвещения в России, а в последующих, в особенности с шестого тома (с конца 1820 г.), здесь стали регулярно появляться статьи, рецензии и хроника о русской литературе. Главным вкладчиком материала в этот отдел был Э. Эро (Edme-Joachim Héreau, 1791—1836), проживший долгое время в России и очень основательно изучивший русский язык и литературу. Им была написана статья о «Слове о полку Игореве» («R. E.», т. XL, pp. 140 suiv., 709 suiv.) и даны подробные анализы «Anthologie russe», статьи Vidal о русской литературе, помещенной в журнале «Spectateur Marseillais» за 1823 г. (t. VI, p. 147) и т. д.⁵² Другими сотрудниками «Revue Encyclopédique» по русскому отделу были известный русский библиограф С. Д. Полторацкий, пропагандировавший тогдашнюю современную русскую литературу, в частности, произведения Пушкина, и Я. Н. Толстой. Опубликованное в настоящем издании (т. II, стр. 94—98) неизвестное

до сего времени письмо П. А. Вяземского к М.-А. Жюльену вскрывает факт сотрудничества в журнале в 1824—1825 гг. также и Вяземского.

Благодаря систематическому и регулярному освещению новинок русской литературы, читатели «Revue» имели возможность создать себе более или менее точное представление о состоянии русской литературы в 20-е годы, о выдающихся явлениях и главных деятелях ее. Но, повидимому, круг читателей «Revue Encyclopédique» был во Франции не особенно значителен, и обилие материалов о русской литературе не могло повлиять на общее отношение французских читателей к русской литературе⁵³. Не следует, конечно, упускать из виду, что в глазах радикальной мелкой буржуазии и даже либеральной части французской буржуазии Россия, способствовавшая реставрации Бурбонов, поддерживавшая легитимизм и стоявшая во главе реакционного Священного союза,—эта феодально-аристократическая Россия была объектом нескрываемой вражды, распространявшейся, конечно, и на русскую литературу.

Почти одновременно с выходом брошюры Я. Н. Толстого в журнале «Mercure du XIXe siècle» за 1824 г. (t. VI, livr. 77, pp. 505 suiv.) была помещена статья, озаглавленная «Quelques notes d'un russe présentement à Paris sur l'Anthologie russe de Dupré de Saint-Maure».

Статья эта, подписанная инициалами L. N., была опубликована с целью обнаружить тенденциозность Дюпре де Сен-Мора как в отношении отбора русских авторов, так и их характеристик. Рецензент подчеркивает, что «г. Дюпре де Сен-Мор, не зная русского языка, перекладывал в стихи только то, что ему переводили прежде во французскую прозу; и также все им сказанное в жизнеописаниях наших писателей есть только отголосок посторонних внушений»⁵⁴. В основном, статья L. N. состоит из двух частей: из коррективов в историческом плане и из указаний на пропуски в современной литературе. И самый перечень авторов, отмечаемых в качестве незаслуженно обойденных, чрезвычайно характерен,—это все почти члены шишковского кружка, это, главным образом, писатели, группировавшиеся вокруг кн. Шаховского. В этой последней части своей статьи L. N. говорит о Пушкине, Вяземском, Бестужеве, но обо всех этих авторах отзывается неодобрительно. Вообще рецензия имела неприкрыто партийный характер и именно в таком духе была воспринята группой так называемых «романтиков», во главе с Вяземским; на нее последовал ответ, вызвавший, в свою очередь, ответы, но рассмотрение возникшей полемики выходит за пределы настоящей статьи. Достаточно, однако, указать, что в настоящее время установлено, что за инициалами L. N. скрывался писатель Н. И. Б а х т и н (1796—1869), большой почитатель П. А. Катенина и член кружка кн. Шаховского⁵⁵.

Но с Н. И. Бахтиным связано еще одно звено во французских изучениях русской литературы. В 1826 г. в Париже вышла книга, озаглавленная «Introduction à l'Atlas ethnographique du globe, ou classification des peuples anciens et modernes d'après leur langue». Автором этой книги был венецианец А д р и а н Б а л ь б и (1782—1848), преподаватель географии, физики и математики в разных учебных заведениях. По словам А. И. Тургенева, «он—большой шарлатан, пишет о том, чего сам не знает»⁵⁶, но это не помешало ему дать в своем «Введении» («Introduction») интересные материалы о русском языке и литературе. Сведения эти были ему сообщены покинувшим Париж в 1825 г. (р. 321) «молодым русским литератором, оказывающим нам,—как говорит Бальби (р. 192),—честь своей дружбой; он извездил почти всю Европейскую Россию и западную часть Азиатской, и с глубоким знанием своего национального языка как древнего, так и современного, равно как и литературы, он соединяет то преимущество, что, побывав во всех этих местах, может самостоятельно судить о различиях, представляемых главными наречиями русского языка, которые он слышал в Тобольске, Харькове, Москве, Петербурге и т. д., и т. д.».

„АНТОЛОГИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ“,
СОСТАВЛЕННАЯ НА ФРАНЦУЗСКОМ
ЯЗЫКЕ ДЮПРЕ ДЕ СЕН-МОРОМ

Титульный лист первого издания, 1823 г.

Bibliothèque russe,

SUITE DE

POÉSIES ORIGINALES,

éditées

A S. M. L'EMPEREUR DE TOUTES LES RUSSIES;

Par P. J. Sméle Doyre de Saint-Maur.

DEPOTER DE L'ORNE AVAL DE LL BOUTON-ROUENNE, EN-BOURNE DE COFFRE LACRÉTE, APRES
MONT-BALET, AVANT DE L'ETRE ENTRAINE. LE 1823, AVEC LE TITRE SUIVANT ET AUTRES

AVEC SIX DESSINS LITHOGRAPHES.

Plus de cent mille exemplaires ont été vendus.
Des gravures en couleur ont été faites.
Lyon.

PARIS,

CHEZ C. J. THOUËT, IMPRIMEUR-LIBRAIRE, RUE NUYVE-SI.-AUGUSTIN, N° 17.

M. DEB. 1823.

Самая статья о русской литературе («Coup d'œil sur la littérature russe») представляет интересное изложение хода развития русской словесности с точки зрения кружка кн. Шаховского. Этим и объясняется сдержанность отзывов о Карамзине, Жуковском и даже Пушкине, о «Кавказском пленнике» которого говорится, что «отсутствии плана и цельности («d'ensemble»), а в особенности, однообразие чувств («la monotonie des sentiments»), а также повторение нескольких излюбленных выражений—таковы недостатки этой поэмы». «Нам прискорбно,—продолжает автор,—делать ему эти упреки именно здесь, но, к несчастью, нас обязывают к этому его подражатели». Признавая, далее, лучшим произведением Пушкина «Руслана и Людмилу», автор статьи и здесь находит повод уколоть поэта: «В этом случае руководителем Пушкина был несчастный пример («le malheureux exemple») одного прославленного писателя, пример, который, подобно фонарю, отвращал его от опасностей, которых ему следовало избежать. Можно пожалеть, что Пушкин не привязался более основательно к этому истинно национальному жанру и не снискал себе имени русского Ариоста» (стр. 353).

Более подробно сведения даны, конечно, о кружке кн. Шаховского. Последнему отведено довольно значительное место в тексте статьи, а вместе с тем, достаточно обстоятельно говорится и о членах его группы. Между прочим, сообщается, что «совсем недавно Грибоедов сочинил оригинальную комедию, которая еще не была представлена. Нам о ней ничего не известно» («nous n'en avons aucune idée») (стр. 354, 355). Это, повидимому, самое раннее упоминание о «Горе от ума» в западной литературе. В конце статьи автор признает субъективный характер своих оценок и принимает ответственность за них на себя.

Появление «Атласа» Бальби не прошло незамеченным. «Bibliothèque Universelle», распространенный во всей Европе швейцарский журнал, перепечатал статью о русской литературе; затем она была переведена на русский язык и помещена

в «Сыне Отечества» за 1828 г. В одной из рецензий на «Атлас», помещенной в «Московском Телеграфе» за 1827 г. (№№ 17 и 18) и принадлежащей Н. А. Полевому, устанавливалась идентичность автора «*Coup d'œil sur la littérature russe*» с L. N. Действительно, как явствует из работы А. А. Чебышева, опубликовавшего письма Катенина к Бахтину⁵⁷, статья в «Атласе» Бальби принадлежала также Бахтину. Распространенность книги Бальби создавала условия, при которых литературные воззрения Бахтина получали возможность широкого обращения в среде французских и, более того, европейских читателей.

К этому же времени относится попытка В. К. Кюхельбекера познакомить французское общество со славянским языком и литературой. Находясь в 1821 г. в Париже, Кюхельбекер прочел в *Athénée Royal* несколько публичных лекций. Хотя самый текст чтений до нас не дошел, однако, известно содержание последней лекции, в которой Кюхельбекер говорил о влиянии вольного города Новгорода и его веча на древнюю русскую литературу. Русское посольство узнало об этом и приказало Кюхельбекеру прекратить курс и вернуться в Россию⁵⁸. Современники сохранили сравнительно незначительные сведения об этом эпизоде. Так, Александр Тургенев сообщает кн. П. А. Вяземскому о том, что ему удалось прочесть лекцию Кюхельбекера, и добавляет: «Это любопытно!» («C'est curieux!»)⁵⁹. Другой современник, П. Ф. Гаккель, утверждал (с чужих слов), что в своих парижских лекциях Кюхельбекер говорил «с энтузиазмом о свободе и о духе революции, которые он пытался вызвать у французов»⁶⁰. Вместе с тем, отмечалось, что «по новизне предмета, при искусстве чтеца, лекции эти возбудили живейший интерес в публике»⁶¹. К сожалению, в доступных нам французских источниках (например, «*Revue Encyclopédique*» за 1821 г.) не удалось обнаружить каких бы то ни было отголосков этой попытки Кюхельбекера установить контакт с французской общественностью при помощи литературных чтений. Но едва ли можно сомневаться, что более на-

(38)

SVETLANA, 61

ADRESSE A MADAME WOJEKOFF.

C'est la feu de Noël:
Le feu de ce jour s'éclaircit,
Et tout le monde se réjouit,
Les jeunes filles s'amusent
À dire la bonne aventure;
Tous à tour ils ont leur divination,
Et sans la porte la jettent;
Tantôt elles font le sort;
Tantôt le vent est amant d'elles;
Enfin la jeune femme s'écrit
Les deux sexes de gâtes comptés
Et peu fait la vive amitié (1)
Qu'on fait d'un sexe au feu de Noël.
Surtout de leur sexe immortelle
Toutes les bontés de sa
Puis dans le bas d'une seule classe (2)
Un autre sexe se réjouit.
Et que de sexe avec mystère
Les amoureux l'ont vu s'écrire;
Et sans autres les lettres,
Qui, barbare et grossière nature,
Des deux sexes des étonnements
Et d'un autre des réflexions
Et d'un autre des réflexions
Et d'un autre des réflexions

Svetlana, chez les Filles russes.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К „СВЕТЛАНЕ“ ЖУКОВСКОГО В „АНТОЛОГИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ“ ДЮПРЕ ДЕ СЕН-МОРА

Литография Ланглуэме с рисунка Ш. Обри, 1823 г.

стойчивые и систематичные поиски, например, по линии отчетов о деятельности *Athépée Royal*, должны увенчаться успехом. Повидимому, задачу эту смогут выполнить французские литературоведы, располагающие большими возможностями в отношении обследования французской прессы начала 20-х годов прошлого века.

Обращаясь снова к нашей теме, следует отметить, что гораздо больше повлияла на отношение французов к русской литературе книга воспоминаний *M-me de Staël, Dix années d'exil*, P., 1821, где в последних письмах, посвященных России, мельком говорится и о русской литературе. Суждения г-жи Сталь заслуживают внимания⁶².

«Так как русские вообще мало образованы,—пишет г-жа Сталь,—они находят мало удовольствия в серьезных беседах и вовсе не ставят задачей своего самолюбия блистать в них остроумием («briller par l'esprit»). Поэзия, красноречие, литература еще совсем не встречаются в России; роскошь, могущество и отвага—вот главные для них объекты гордости и честолюбия; все прочие способы отличиться кажутся этой нации слишком изнеженными и пустыми» (стр. 275).

После этой общей характеристики г-жа Сталь переходит к констатированию других важных моментов: «Третье сословие не существует в России; это—громдное затруднение для развития литературы и искусств в России, так как обычно просвещение развивается именно в этом третьем классе» (стр. 276). Отмечая, далее, тяготение и близость русской культуры к византийско-греческой, г-жа Сталь указывает на необходимость того, чтобы русские писатели искали источник поэзии в том, что имеется наиболее сокровенного в глубине их души. «Произведения их до настоящего времени написаны принужденно и поверхностно («du bout des lèvres»), и никогда пылкую («véhéménte») нацию не смогут растрогать такие хилые созвучия» (стр. 291).

Давая в другом месте характеристику высшего петербургского общества, г-жа Сталь пишет: «Несколько русских дворян пробовали блистать в литературе и обнаружили в этой области талант. Но просвещение недостаточно распространено, чтобы там могло сложиться общественное суждение, основанное на отдельных мнениях. Характер русских слишком страстен, чтобы любить мало-мальски отвлеченную мысль,—их занимают только факты: у них не было еще ни времени, ни склонности, чтобы свести факты к общим идеям. А затем всякая значительная мысль всегда более или менее опасна вблизи двора, где все наблюдают друг за другом и всего чаще даже питают зависть» (стр. 308)⁶³.

Путешественница отмечает и то, что «обе столицы не умеют еще снабжать провинцию своими достижениями в области литературы и искусства» (стр. 340). Впрочем, г-жа Сталь полагает, что «гений придет к ним в искусствах и, в особенности, в литературе, когда они найдут средство проявить свое подлинное естество в языке, как они проявляют его в своих поступках» (стр. 341).

Эти страницы воспоминаний г-жи Сталь сыграли, несомненно, свою роль в истории изучения, вернее не изучения, французами русской литературы в течение 20-х, 30-х и даже 40-х годов XIX в.

Не нужно, однако, думать, что в указанные годы вовсе прекращаются подобные изучения. Количественно они, может быть, даже возрастают, но большую часть их составляют либо переводы, либо довольно бедные фактами компиляции по русским материалам. Так, кроме отмеченных выше переводов из Карамзина, Озерова, Крылова, Дмитриева и других авторов, в 20-е годы появляются переводы *Жана-Мари Шопена* (*Jean-Marie Chopin*)⁶⁴ из Пушкина, Державина и др.; *Эггенде Герля* (*J.-N.-M. Héguin de Guerle*)⁶⁵; *Ферри де Пиньи* и *Ж. Акена* (*Ferry de Pigny et J. Haquin*), *Les conteurs russes*, 1833, 2 vols., *Поль де Жюльвекура* (*Paul de Julvécourt*), *С. Д. Полторацкого*, кн. *Николая* и *Эммануила Голицыных*, кн. *Элима Мещерского* и ряда других лиц⁶⁶. Кроме того, появляется

САД АМУРА. ТАНЕЦ

Миниатюра французской работы начала XVI в. из рукописи „Роман Розы“

Эрмитаж, Ленинград

ряд компилятивных обзоров русской литературы. Так, в книге П. Эннекена (P. Hennequin, Cours de littérature ancienne et moderne, Moscou, 1821—1822, 4 vols.) среди прочих авторов даны и русские; приводятся краткие биографические и библиографические сведения, иногда цитируются стихотворные, большую же часть прозаические переводы из произведений русских писателей, сопровождаемые беглыми критическими замечаниями. Ничего существенного или даже просто нового эти заметки не вносят; следует только отметить, что в IV томе (стр. 19 и 130) сообщается наиболее, повидимому, ранее в работе историко-литературного характера сведения об А. С. Пушкине⁶⁷.

Следует отметить также книгу J.-H. Schnitzler, Essai d'une statistique générale de l'empire Russe, accompagnée d'aperçus historiques, Strasbourg, 1829. В главе VI этой книги «Peuple Russe en lui-même» разделы II и III посвящены истории русского языка и русской литературы («La langue russe», pp. 172—180, «Littérature russe», pp. 180—195). Свой обзор русской литературы автор начинает с X—XI вв. и кончает современными ему писателями: Карамзиным, Жуковским, Батюшковым, Пушкиным и др., отдавая предпочтение перед всеми Карамзину. Обзор снабжен библиографическими указаниями литературы по вопросу на французском и немецком языках. В главе IV той же книги «Civilisation et instruction», в разделе VI «Développement de lumière au moyen de la presse», pp. 106—109, даются сведения о русской периодике⁶⁸.

Известны еще и другие аналогичные издания, носящие компилятивный характер и потому не представляющие интереса.

Гораздо важнее отметить то, что, в связи с национально-освободительными движениями в буржуазии отдельных славянских народностей, в течение 30-х годов постепенно возникает во Франции интерес к славянству, причем этот интерес имеет неприкрыто политический характер. Славянство Австро-Венгрии, старинного врага Франции, и Польша, противостоявшая России,—вот силы, которые французская политика эпохи Июльской монархии хотела сделать своими союзниками, но были попытки примириться и с Россией. Одним из опытов именно этой политики явилась книга Ф.-Г. Эйхгофа (1799—1875): F. G. Eichhoff, Histoire de la langue et de la littérature des Slaves, Russes, Serbes, Bohèmes, Polonais et Lettons, P., 1839. Общую оценку этой книги сохранила переписка Маркса и Энгельса. В своих занятиях славянским вопросом и так называемым «панславизмом», под которым в то время понималась агрессивная, реакционная политика Николая I, прикрывавшаяся лозунгом защиты угнетенного славянства в Западной и Южной Европе, Маркс обратился к работе Эйхгофа, которую аттестовал, как «весьма жалкую книгу... большей частью плагиат из Шафарика». В ответном письме Энгельс писал, что «Эйхгоф и раньше был известен как филологический шарлатан, перешарлатанивший даже Клапрота (который все же кое-что знал)»⁶⁹.

Оценка, данная Марксом и Энгельсом, вполне заслужена книгой Эйхгофа. В ней масса фактических ошибок, невероятной небрежности, множество повторений одних и тех же фактов. По своим установкам книга Эйхгофа может быть охарактеризована, как руссофильская. «Господствующая тенденция нынешнего царствования [в России],—пишет Эйхгоф,—коего мудрую попечительность нельзя не признать, очевидно, состоит, прежде всего, в национализации России и в освобождении ее от рабской подражательности нравам и обычаям других народов» (стр. 206). Истории русской литературы вместе со славянской («eslavoppe») отведены в третьей части книги гл. I (стр. 176—186) и гл. II (стр. 187—207). Величайшим русским поэтом автор считает Державина «из-за великолепия его мыслей, которые часто поднимают его до уровня прекрасных гениев древности» (стр. 198). Пушкин, по словам Эйхгофа, «сумел наложить на все свои произведения печать русской национальности. Сила и живость

его мыслей («conceptions»), чистота и гармония его стиля доставили ему господствующее место над всеми его современниками» (стр. 203—204). Наконец, в числе «выдающихся авторов песен» («chansonniers distingués») Эйхгоф называет Дельвига и Розена, очевидно, барона Е. Розена («Ай-Булат») (стр. 204).

Впрочем, несмотря на все свои очевидные промахи, книга Эйхгофа представляет известный интерес: по ней Маркс познакомился со «Словом о полку Игореве», которому посвящено несколько страниц, а в приложении дан перевод *texte en regard* (стр. 264—267, 296—319, 349—355, прим.)⁷⁰.

Еще более «руссофильский», реакционно-монархический характер имела книга Поля де Жюльвекура (Paul de Julvécourt): «La Balalaïka», P., 1837, в которой автор, захлебываясь от восторга, превозносит Николая I⁷¹.

Не останавливаясь на других фактах историко-литературных изучений русской литературы на французском языке в эту эпоху, должно сказать, что все они представляли либо политически обусловленные работы дилетантов из русской знати, либо продукцию реакционных групп французской интеллигенции, ориентировавшихся на Россию, представлявшуюся в те годы европейскому общественному мнению воплощением и источником мировой реакции. В новую фазу вступает изучение русской литературы во Франции с начала 40-х годов XIX в., когда в Collège de France учреждается кафедра «славянского языка и литературы».

II

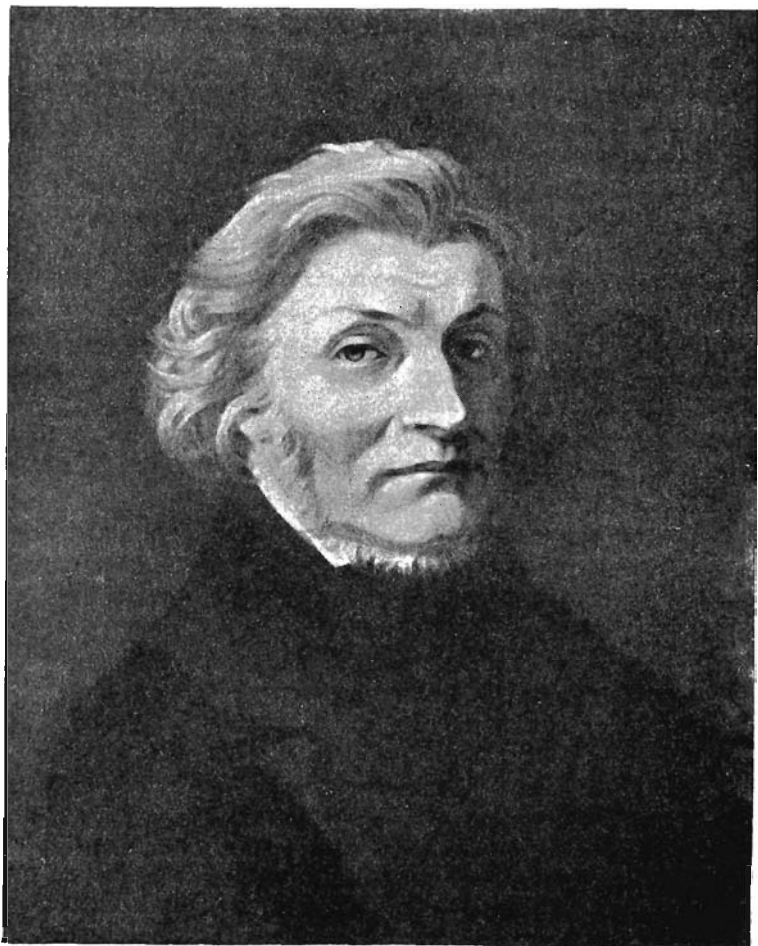
В то время как реакционные группы французской аристократии и крупной буржуазии ориентировались в 30-х годах на Россию, в мелкобуржуазных демократических кругах как во Франции, так и во всей Западной Европе на Николая I и на Россию смотрели, как на оплот контрреволюции, как на «жандарма европейской свободы». Ненависть Николая I к Июльской революции и к «королю баррикад», Луи-Филиппу, попытки России к воссозданию Священного союза,—все это способствовало усилению антирусских настроений в тогдашней Франции и вместе с отмеченной выше ее «славянофильской» политикой создало почву, на которой оказалось возможным учреждение кафедры славянской литературы в Collège de France.

История возникновения этой кафедры дважды рассказана была известным французским славистом Луи Леже (Louis Léger): сперва во вступительной лекции в том же Collège de France в 1885 г., изданной сначала отдельно под заглавием «Le monde Slave au XIXe siècle» и вошедшей потом в книгу «Nouvelles études slaves», P., 1886, а затем в статье «La chaire des littératures slaves au Collège de France» в книге «Russes et Slaves», 2-e série, P., 1896, pp. 207—241⁷².

После польского восстания 1831 г. и создания в Париже центра польской политической эмиграции, в демократических кругах Франции стали видеть в восстановлении польской государственности важный фактор усиления революционного движения в Европе и ослабления самодержавной России. Именно из этих целей была создана кафедра славянского языка и литературы в Collège de France, которую занял польский поэт Адам Мицкевич.

Министр народного просвещения, философ Виктор Кузен, приглашая Мицкевича занять кафедру, написал ему в Лозанну достаточно двусмысленное письмо, в котором между строк давал понять, чего от кафедры ждут: «Уже одно ваше присутствие в Париже будет само по себе событием крупного политического характера. Но я не должен думать и не думаю ни о чем другом, кроме науки и литературы. Я имею в виду только литературу и ничего более. Я говорю с вами, как благородный человек с благородным человеком. Поляки составляют в Париже группу, справедливо возбуждающую великодушные симпатии молодежи. Эти симпатии, есте-

ственно, коснутся и вас; но я живейшим образом желаю, чтобы тон вашего преподавания, в подтверждение ваших высоких достоинств, поддерживал в учреждении новой кафедры исключительно свойственный ей литературный характер. Льшу себя надеждой, что вы меня понимаете и примете благосклонно высказанные мною сомнения: они продиктованы моими обязанностями». То, чего «по своим обязанностям», т. е. по своему официальному положению, не мог сказать Кузен прямо, он передал Мицкевичу через Леона Фоше, который на следующий же день после вышеприве-

АДАМ МИЦКЕВИЧ

Портрет маслом Софии Шимановской. Авторская копия 1858 г. с портрета, писанного в Париже в 1840-х гг.

Исторический музей, Москва

денного письма Кузена писал Мицкевичу: «Кафедра, на которую вас приглашают, имеет политический характер: хотят создать для польской нации центр, хотя бы литературный»⁷³.

Но, создавая эту кафедру, совершая акт, направленный, по существу, против России, либеральное министерство опасалось неприятных последствий. Поэтому в проекте, внесенном в Палату депутатов, из литератур славянских народов особенно много места уделено было русской литературе и вообще сделано несколько «реверансов» в сторону России.

Чтение лекций Мицкевичем, начавшееся в декабре 1840 г., продолжилось до октября 1844 г., когда профессор-поэт был уволен, сперва в месячный отпуск, а затем и совсем в отставку. Причиной этому послужило не то, что он ввел в свои лекции элемент политики, а то, что самая политическая линия Мицкевича—мистический культ Наполеона—была чрезвычайно неприятна тогдашнему французскому правительству. Подробный анализ общеславянского курса лекций Мицкевича не входит в план настоящей работы; здесь придется бегло остановиться только на разделах, касавшихся русской литературы⁷⁴.

В предисловии к немецкому изданию своих лекций (1845) Мицкевич писал, что «принял должность профессора в Париже, рассматривая ее, как долг слуги польского и славянского дела, дела Франции». В соответствии с этим находятся достаточно резкие и в мрачных тонах данные картины из русской истории и литературы.

С русской литературой Мицкевич, питомец Виленского университета, был достаточно хорошо знаком. Интересны его замечания о «Слове о полку Игореве» («Les Slaves», t. I, pp. 183—197), о Ломоносове, Тредиаковском, Кантемире (t. II, pp. 427—444), особенно любопытны страницы, посвященные Пушкину (t. III, pp. 284—296), где Мицкевич выступает, как очевидец и человек, близко знавший Пушкина.

Никакой общей концепции истории русской литературы у Мицкевича в курсе нет: это одни только отрывочные эскизы, лишенные цельности и законченности. Тем не менее, и этот материал давал известное освещение развитию русской литературы, отводя ей второстепенное место, за польской и сербской литературами.

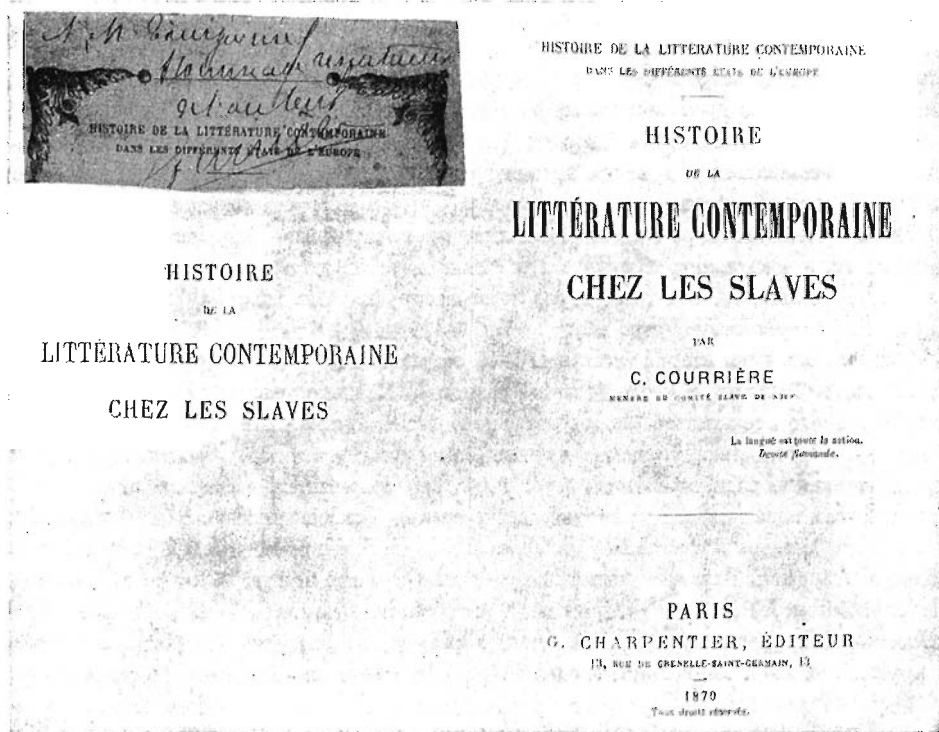
Подобную же установку усвоил преемник Мицкевича, Си при ен Р о б е р (Cyprien Robert, 1807—1856). Об этом слависте сведений в литературе сохранилось очень мало. И. В. Ягич в «Истории славянской филологии» вовсе не упоминает о нем, как, впрочем, и об остальных французских славистах. В русской литературе о С. Робере сохранился пристрастный и несправедливый отзыв А. А. Котляревского⁷⁵. Единственным источником остается первая из упомянутых раньше статей Л. Леже. По его словам, С. Робер был странным, эксцентричным, но основательно образованным славистом, впрочем, преимущественно в отношении балканского славянства; России он не знал почти вовсе, в ней не был и избегал о ней говорить. Этому утверждению Леже противоречат, однако, факты.

В очень интересной статье Робера, его вступительной лекции в Collège de France: «De l'enseignement des langues et des littératures slaves au Collège de France» («Revue des Deux Mondes», 1846, 15 janvier, и отдельно), сообщается, что он прожил десять лет среди славян, причем побывал и в Москве, и на юге России и лишь затем отправился на Балканский полуостров. Вообще же о России он не избегал говорить, касался и ее истории, и политического строя, и литературы, при изложении которой не делал сколько-нибудь грубых ошибок. По статьям его, в которых идет речь о русской литературе, видно, что он следил за ее движением и знал даже свежие литературные новости. При всем том он, конечно, был настроен не руссофильски. Отмечая, что существующие программы славянских кафедр либо руссофильские, либо полонофильские, он предупреждал, что его курс не будет ни тем, ни другим: «Единственным нашим путеводителем будут либеральное мнение («l'opinion libérale») и интересы Франции», и, чтобы избежать вмешательства во внутренние распри русских и поляков, он высказывал намерение главное внимание уделять южным славянам (отд. оттиск, стр. 7).

Задачу своего курса С. Робер понимал, как известную политическую проблему. В этом курсе заключается, по его словам, практическая цель, цель национальной пользы. Курс должен сementировать связи между Францией и славянством Польши, Австрии, Иллирии. Для вящей аргументации своего тезиса Робер провел любопытную параллель: «В средние века во Флоренции была основана кафедра иллирий-

ского языка единственно потому, что соперница Флоренции, Венеция, владела Иллирийским краем и притесняла его жителей. Аналогичный мотив должен заставить Францию пропагандировать изучение славянских проблем. Замечательно, что повсюду—в Пруссии, Австрии, Венгрии—славяне сплошь франкофиль» (там же, стр. 5 и 6).

Свои общие взгляды Робер конкретизировал в ряде статей и, в особенности, в двухтомной книге «Le Monde Slave, son état présent et son avenir», P., 1852. России в этой последней книге посвящено сравнительно немного места; здесь дана не лишняя интереса характеристика «устоев русской культуры»: «le tsar, le tschin et le knout» (царь, чин и кнут) и «трех элементов русской нации»: «le pope, le moujik et le gost» (поп, мужик и гость, т. е. купец).

ЭКЗЕМПЛЯР КНИГИ К. КУРРЬЕРА „ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ“ С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА И. С. ТУРГЕНЕВУ, 1879 г.

Институт литературы Академии наук СССР, Ленинград

Собственно русской литературе посвящены отдельные страницы в трех статьях Робера в «Revue des Deux Mondes» за 1852 и 1854 гг., но ничего вопиюще-безграмотного, по крайней мере, в отношении русской литературы, в этих статьях нет, они достаточно добросовестны и представляют несомненный интерес⁷⁶. Следует заметить, что во время крымской войны, когда во Франции началась усиленная публикация антирусской литературы, Робер не проявил себя ничем некорректным.

Конец С. Робера неизвестен; на одну из лекций в 1856 г. он не явился и с той поры исчез совершенно.

Преемником Робера был назначен Александр Ходзько, польский поэт-эмигрант, ориенталист по специальности⁷⁷. Из работ Ходзько к русской литературе имеют отношение следующие: (1) «Coup d'œil général sur la littérature russe depuis Pierre le Grand jusqu'à nos jours» («Revue des cours littéraires», 1865—1866, IIIe année,

№ 6, pp. 89—94); (2) «Le drame moderne en Russie, Ivan le Terrible» (там же, 1867—1868, V^e année, № 47, pp. 746—751, изложение Л. Леже); (3) «Les chants historiques de l'Ukraine et les chansons des latyches des bords de la Dvina Occidentale», P., 1879; эта книга вышла, как параллель к известной работе Alfred Rambaud, *La Russie épique*, P., 1875; там же библиография отдельных изданий трудов Ходзько.

В первой работе Ходзько обнаруживает удивительную неосведомленность, незнание элементарных фактов русской истории и культуры. «Ломоносову,—говорит Ходзько,—покровительствовали четыре императрицы: Екатерина I, Анна, Елизавета и Екатерина II» (стр. 91). О деле Радищева он говорит: «Это было в то время, когда, после смерти своего августейшего супруга, Екатерина располагала всеми силами государства» (стр. 92). Основная мысль курса Ходзько сводилась к тому, что литература в России представляла постоянную оппозицию правительству. При проведении этой идеи лектор доходил до курьезов: «„Руслан и Людмила“, повидимому, имела целью через противопоставление нарисовать картину счастья, которым могли бы пользоваться славянские народы, если бы им была предоставлена возможность свободно развиваться в духе их древних установлений» (стр. 93). Вывод Ходзько таков: «Русская литература уже доказала, что в ней содержится плодотворный зародыш дальнейшего развития. Несмотря на враждебные обстоятельства, которые трижды (при Екатерине, Николае I и Александре II) задерживали ее в ее поступательном движении, эта литература прогрессирует. Она должна сделать русский народ более гуманным» (стр. 95).

Более любопытна вторая статья его—о современной русской драме. Анализируя трагедию А. Толстого «Смерть Ивана Грозного», Ходзько указывает, что «в характере Грозного сочеталось подозрительное беспокойство Дионисия Сиракузского с детской жестокостью туранского тирана («d'un tyran touganien»), любящего зло ради зла и страдание ради страдания» (стр. 746). Это сравнение показывает, что Ходзько стоял на так называемой «туранской» точке зрения, отказывавшейся видеть в русских настоящих славян и считавшей их азиатскими выселенцами, туранцами, которых должно отбросить назад, в Азию. Выдвинутая в книге Henri Martin, *La Russie et l'Europe*, P., 1866, теория эта, уже своим эпиграфом—«Европа для европейцев»—обнаруживавшая политический характер, нашла широкое распространение в кругах польской эмиграции, и одним из adeptов ее стал, как видно, и А. Ходзько.

Подробно разобрав пьесу Толстого, Ходзько заканчивает намеком на современность: «Читатель, знакомый с историей, видит уже вдали длинную вереницу катастроф, ожидающих Россию. Они являются продолжением и следствием тирании Ивана Грозного, и эта драма служит в одинаковой мере уроком для деспотических владык, как и для народов, позволяющих последним править собой» (стр. 751). В своей же первой статье Ходзько писал, что «после 1863 г. русское правительство начало преследования, которые можно сравнить только с теми, какие были приняты Николаем I. В Русской Польше—еще более печально—я вижу одни лишь опрокинутые алтари, пустыню и лужи крови» (стр. 95).

Следует отметить, что Ходзько в значительной мере использовал для своих лекций материалы, а иногда и аргументацию А. И. Герцена в брошюре «Nouvelle phase de la littérature russe», Bruxelles, 1864⁷⁸.

Три первых преподавателя славянских литератур в Collège de France занимали как в отношении России, так и русской литературы достаточно отчетливую отрицательную позицию. Это вполне отвечало антирусской политике французского правительства.

Между тем, в других кругах, кругах более широких, интерес к русской литературе все возрастал. Появился ряд переводов из произведений русских классиков, при-

чем переводы эти принадлежали видным писателям. Так, ряд вещей Пушкина и Гоголя перевел Проспер Мериме⁷⁹, затем Ксавье Мармье⁸⁰, Луи Виардо (совместно с Тургеневым)⁸¹, Александр Дюма-отец, «переводивший» с русского, не зная языка, и ряд более мелких переводчиков, из которых следует упомянуть маркиза Эжена де Порри (Eugène de Porry), Тардифа де Мелло⁸², а также Анри Делаво (H. Delaveau)⁸³.

Особо следует отметить в истории взаимного литературного изучения России и Франции роль И. С. Тургенева. Хотя у него нет ни одной специальной работы в данном направлении, но, как литературный посредник между Францией и Россией, он сделал чрезвычайно много. Благодаря ему, появились во французских переводах произведения многих русских классических писателей, а также авторов, в то время еще современных, но впоследствии признанных классическими (Л. Толстой, Писемский, А. Толстой, Островский и др.). Впрочем, большая часть деятельности И. С. Тургенева в данном направлении относится уже к последующему периоду, ко времени после франко-прусской войны и Парижской Коммуны.

III

Роль седанского разгрома и Парижской Коммуны, в особенности последней, в формировании реакционной идеологии буржуазии Третьей республики общеизвестна. Оба эти события были датами, после которых французская реакционная буржуазия начала искать опору против Германии и собственного пролетариата в России, которая хотя и не была уже к тому времени столь сильной, чтобы сохранять роль «европейского жандарма», но все же была наиболее реакционным и, вместе с тем, достаточно могущественным государством. Географическое положение России—в тылу у Германии и ее союзницы, Австрии,—делало ее для Франции чрезвычайно важным политическим партнером. В ближайшие десятилетия (80-е, а особенно 90-е годы) к этому присоединилось и другое, еще более важное обстоятельство: вложение огромных капиталов французскими предпринимателями и создание ими ряда крупнейших промышленных предприятий в России. Подробнее об этом будет упомянуто ниже, сейчас же достаточно указать, что именно в таких условиях—социальных, политических и экономических—стало развиваться изучение французами русской культуры и литературы в годы с 1871 по 1914.

За это время появился ряд капитальных работ по истории России, принадлежащих таким французским авторам, как Анатоль Леруа-Больё, Альфред Рамбо, Леонс Пенго и др. Работы эти не представляли, как прежде, только компиляции из немецких и русских источников, а, наоборот, вносили свой новый материал, вводили в оборот науки ряд свежих фактов и, безусловно, являлись некоторым неотъемлемым звеном в развитии и русской буржуазной исторической науки.

Значительно меньше, на первых порах, была ощутима в эту эпоху деятельность французов в изучении истории русской литературы. Французы любят выдвигать вперед в данной области имя известного слависта, профессора Collège de France (с 1885 по 1923 гг.), Луи Леже (Louis Léger, 1844—1923). Но, будучи славистом в самом широком смысле слова, Леже в области специального изучения русской литературы не сделал ничего такого, что могло бы заставить признать его права на какую-либо особую известность. Несомненно, последующие французские исследователи—Вогюэ, а в особенности А. Мазон, А. Лирондель, Ж. Патуйе, Э. Дюшен—сделали гораздо больше Л. Леже, который был скорее популяризатором, чем самостоятельным исследователем. Нельзя, конечно, отрицать, что для ознакомления французского читателя и начинающего ученого с русской литературой Леже, как талантливый популяризатор и умелый педагог, сделал много.

В 1892 г. Леже выпустил большую антологию по русской литературе, в своих и чужих переводах, дав, в основном, удачный подбор образцов произведений русских писателей,—«La littérature russe», P., 1892 (2-е изд. 1905). Около того же времени вышла его не менее популярная «Histoire de la littérature russe». Bibliothèque Lagousse, P., 1893 (2-е изд. 1908, 3-е изд. 1925?). Если прибавить к этому несколько ценных с фактической стороны страниц в «Souvenir d'un Slavophile». 1863—1897, P., 1904, а также популярно написанный очерк «Nicolas Gogol», P., 1914⁸⁴, и, наконец, сборник одновременно опубликованных и собранных вместе статей в «La Russie intellectuelle», P., 1914, то это, в соединении с рядом информационных статей более раннего периода, и представляет весь вклад Леже в историю французских изучений русской литературы. Ничего самостоятельного во всем этом нет, нет ничего такого, за чем пришлось бы русскому ученому обратиться к трудам Леже. Конечно, следует повторить: Леже было сделано очень много, но он слишком часто и даже в ущерб исторической истине сам утверждал, что начало изучения русской культуры и литературы во Франции нужно считать со времени выступления на научное поприще А. Леруа-Больё, его, Л. Леже, и А. Рамбо⁸⁵. Факты, однако, показывают, что и до Леже во Франции занимались русской литературой и знали ее недурно (Эро, Робер). Между тем, французские авторы склонны слишком явно преувеличивать значение Леже. Так, Поль Буайе (Paul Boyer) считает, что можно без натяжки поставить подобный вопрос: «Когда по свободному выбору, обусловленному случайной встречей, он [Леже] отдался изучению славистики, занявшей потом всю его жизнь, кто во Франции или в другой стране («en France et ailleurs») имел точное представление о славянских народах, их географическом расселении, их языках, их чаяниях?». Буайе полагает возможным утверждать, что «универсальность его [Леже] любознательности и его производительности дает ему в истории славистики место в одном ряду с Ягичем и может быть лишь ниже Буслаева»⁸⁶.

Несомненно, Леже сделал очень много также и в деле осведомления русских ученых о состоянии французской исторической и филологической науки: с 1869 по 1917 гг. включительно почти из номера в номер печатались в «Журнале Министерства Народного Просвещения» его «Письма из Парижа», подписанные «Л. Л—р». Здесь регулярно сообщались данные не только общекультурного и научно-литературного порядка, но и материалы, касавшиеся специального вопроса—о развитии во Франции изучения русского языка и литературы. Эти письма имеют большую ценность, может быть, именно благодаря своей непритязательности и спешности писания: то, что в более строгих научных работах едва ли нашло бы место, здесь дается в открытых формулировках. Так, например, в «Письме из Парижа», помещенном в декабрьской книжке «Журнала Министерства Народного Просвещения» за 1904 г., о причинах открытия второй (после Collège de France) кафедры русского языка и литературы в г. Лилле, Леже сообщает: «Лет 12 тому назад представители промышленности из Лилля настойчиво требовали открытия курсов русского языка для облегчения их сношений с Россией, и именно с Псковской губернией, в которой они закупают лен». Там же встречаются фразы, довольно определенно отдающие антисемитизмом. Говоря о русских эмигрантах, евреях из Литвы, Леже прибавляет: «Многие из них дают уроки русского языка, если не московского, то бердичевского»⁸⁷.

Одной из первых литературных работ Л. Леже была статья об изучении русского языка («Revue des cours littéraires», 1867—1868, V^e année, № 7, pp. 116—117). Она представляет интерес для характеристики позиции автора в данном вопросе. Уже самое заглавие статьи симптоматично: «Les langues d'utilité publique.—L'enseignement du russe». Указав на странный факт наличия в Париже двух кафедр турецкого языка и отсутствия хотя бы одной русской, Леже оговаривается, что, поскольку Collège de France творит науку и не должен вмешиваться в политику и коммерцию,

ЛУИ ЛЕЖЕ

С фотографии 1890-х гг.

постольку организация публичного обучения русскому языку, естественно, должна найти место на курсах при императорской библиотеке. Указав далее, что, ввиду отсутствия у Чехии и Польши международной самостоятельности, изучение их языков не имеет практического интереса, Леже обращает, вместе с тем, внимание на то, что, при наличии в Турции 8 миллионов славян и слабом знакомстве Франции с литературной продукцией славянства за последние тридцать лет, могло случиться так, что не сделано ничего, кроме перевода нескольких русских романов и сербских песен. «То, что эти романы и песни переведены,—заканчивает Леже,—очень хорошо, но не нужно забывать, что этим песням не сегодня-завтра могут начать аккомпанировать пушки».

Под знаком этой политической установки и развивалась в дальнейшем свыше чем полувековая научная и литературная деятельность Л. Леже в изучении славянства, в частности, и русской литературы.

Нельзя, конечно, забывать роли Леже, как преподавателя русской литературы и русского языка в Collège de France. Впрочем, как будто учеников-руссоведов (russisants) Леже после себя не оставил,—все новые научные силы шли, кажется, независимо от него, примыкая больше к движению, вызванному де Вогиюз.

Не будучи цеховым ученым по специальности, аристократ по происхождению и принципам, консерватор по убеждениям, дипломат по роду своей не особенно длительной служебной карьеры, виконт Э ж е н - М е л ь х и о р д е В о г ю э⁸⁸ сыграл исключительно большую роль в истории изучения русской литературы во Франции. И. Д. Гальперин-Каминский приводит в своей статье⁸⁹ чрезвычайно интересное письмо М. де Вогиюз, касающееся начала его критических и историко-литературных работ по русской литературе. Сообщив о первых шагах своей дипломатической службы в Константинополе и о своей личной неудовлетворенности тамошней жизнью, Вогиюз прибавляет: «Кроме того, и это было главное, я пережил все те жалкие унижения, которые испытал каждый, кто был представителем Франции за границей после 1870 г.,—унижения, прикрытые на Западе дипломатической вежливостью и резче

ощущаемые на Востоке, где с каждым человеком обращаются совершенно открыто, сообразно предполагаемой в нем силе. Чтобы прекратить эти унижения, нужна была поддержка, и достаточно было бросить взгляд на карту и задать себе вопрос о ближайшем будущем, чтобы увидеть, где следует искать этой поддержки». Переведясь на службу во французское посольство в Петербурге, Вогюэ быстро овладел русским языком, женился на русской, ознакомился с новой русской литературой и, по совету графини С. А. Толстой, жены поэта Алексея Толстого, в ряде статей, помещавшихся в «Revue des Deux Mondes», стал знакомить французских читателей с русскими литературно-художественными ценностями. Затем эти статьи были выпущены отдельным изданием под заглавием «Le roman russe», P., 1886. Цель своей книги Вогюэ определил в предисловии следующим образом: «По соображениям литературным,— о них я скажу далее,—по мотивам другого порядка, о коих умолчу, так как каждый догадывается о них, я убежден в необходимости работать над сближением двух стран [России и Франции] при помощи взаимного влияния умственной, творческой деятельности в обеих странах» («des choses d'esprit», p. VII). Он считает, что русская литература, в лице своих романистов, опередила Запад вместо того, чтобы плестись за ним. Русский роман реалистичен, но «русские защищают дело реализма новыми и, на мой взгляд,—добавляет Вогюэ,—лучшими аргументами, нежели их западные соперники» (pp. XII, XIII). В дальнейшем выясняется, что «русский реализм» Вогюэ желал противопоставить буржуазному французскому натурализму и его философской основе, позитивизму, с одной стороны, и агностицизму—с другой. «Русский же реализм» Вогюэ понимал и принимал лишь в его буржуазно-дворянской формации; реализма революционно-демократической и народнической литературы он, как будто, и не заметил, во всяком случае, на нем в своей главной работе не останавливался; позднее Вогюэ даже выступал против переводов произведений народников, мотивируя свою позицию «художественной малоценностью» этих писателей.

Таким образом, работа Вогюэ была вызвана внешне- и внутривнутриполитическими условиями жизни первых десятилетий Третьей республики. Она отвечала потребностям определенной, повидимому, консервативной, крупнобуржуазной части французского общества и в соответствующих кругах («Revue des Deux Mondes») снискала огромную популярность. Леже писал, что «Le roman russe» Вогюэ составил эпоху, как в свое время книга г-жи де Сталь «О Германии»⁹⁰. Почти в тех же выражениях говорит об этом и А. Мазон: «По своему влиянию «Le roman russe» может быть с достаточным основанием сравнен с «Германией» г-жи де Сталь»⁹¹.

Было бы неверно приписать успех книги Вогюэ исключительно внутренним французским политическим обстоятельствам. Несомненно, художественная ценность русской литературы сыграла при этом крупную роль, однако, одного этого факта самого по себе было бы недостаточно. И именно то, что политические интересы Франции заставили ее искать сближения и союза с Россией, той самой страной «казаков», варварства и дикости, какой она изображалась во французской прессе десятки лет,—именно это обстоятельство заставило французских литераторов и ученых найти в высочайшем уровне русской литературы и искусства⁹² веский аргумент в пользу политического союза с Россией.

В течение этого периода (1870—1914) начинается усиленная переводческая деятельность как французов, так и русских политических эмигрантов, благодаря которой русская литература—в ее наиболее крупных явлениях—стала доступной французскому читателю. Таковы: В и к т о р Д е р е л и (переводчик Достоевского и Писемского), Э. Д ю р а н - Г р е в и л ь (Тургенев, Островский), А. Л е г р е л ь («Горе от ума», «Гроза» и др.)⁹³, И. Д. Г а л ь п е р и н - К а м и н с к и й (Л. Толстой, Тургенев и др.)⁹⁴, И. Я. П а в л о в с к и й, Е. С е м е н о в, М и ш е л ь Д е л и н ь (М. Ашкинази), М. Н е й р у д и др.

Вместе с тем, надо отметить тот своеобразный факт, что русская литература подавалась, как некая экзотика, знакомящая с загадочной для европейца «русской душой». Не случайно, что именно так озаглавленная книга Леона Гольшмана и Э. Жобера, *L'âme russe. Contes choisis de Pouchkine, Gogol, Tourguéniev, Dostoïevsky, Garchine, Léon Tolstoï*, P., 1896, выдержала подряд несколько изданий.

Появляются и общие обзоры истории русской литературы, напр., К. Курьерр, *Histoire de la littérature contemporaine en Russie*, P., 1875. Политическая установка Курьерра, французского журналиста в Петербурге, отчетливо выражена в следующих словах: «Мне нет необходимости доказывать здесь интерес, который представляет для нас в настоящее время сближение с Россией. Этот интерес очевиден из последних событий, давших России значительный перевес в Европе. Немцы, предупредившие нас, имеют в Петербурге ежемесячник и две газеты» (стр. 431). Задача французской колонии в России состоит в том, чтобы создать тут периодическую печать на французском языке и пропагандировать сближение.

Аналогично, однако, с меньшей осведомленностью написана книга Leon Sichler, *Histoire de la littérature russe depuis les origines jusqu'à nos jours*, P., 1886⁹⁶. Около этого же времени выходит книга E. Hins, *La Russie dévoilée au moyen de sa littérature populaire*, P., 1883.

Наряду с такими обобщающими книгами, следует упомянуть и ряд сборников критических статей по русской литературе: Ernest Dupuy, *Grands maîtres de la littérature russe*, P., 1885⁹⁶; Ernest Combes, *Profiles et types de la littérature russe*, P., 1896. В 1890—1900 гг. довольно часто касался русских тем Теодор де Визева (Théodor de Wyzéwa—Т. Вызевский), печатавший статьи по русской литературе в «Revue des Deux Mondes» и в своих сборниках статей, а также переводивший с русского⁹⁷. Выдвигается переводчица и критик М-ме Венсан (Vincens), писавшая под псевдонимом Арвед Барин⁹⁸.

Постепенно русская литература делается предметом широкого внимания француз-

LA

LITTÉRATURE RUSSE

NOTICES ET EXTRAITS

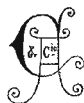
DES PRINCIPAUX AUTEURS

DEPUIS LES ORIGINES JUSQU'A NOS JOURS

PAR

Louis LEGER

Professeur au Collège de France.

PARIS

ARMAND COLIN ET Ce, ÉDITEURS

5, RUE DE MÉZIERES, 5

Tous droits réservés.

АНТОЛОГИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЛУИ ЛЕЖЕ

Титульный лист первого издания, 1892 г.

ских читателей. О русской литературе (по французским переводам) пишут Брюнетьер (о «Что делать?» Чернышевского в «Revue des Deux Mondes», 1876, от 15 октября), Сарсе, Барбе д'Орвилли, Поль Бурже, Катюль Мандес, Эд. Род⁹⁹, Ги де Мопассан (предисловие к избранным произведениям В. М. Гаршина), Р. Думик и др. Особенным успехом пользуются произведения Тургенева, Достоевского и Л. Толстого. Свои статьи об этих авторах Эмиль Эннекен (Hennequin) включает в книгу, которую озаглавливает «Ecrivains francisés» («Офранцузившиеся писатели»), Р., 1889¹⁰⁰.

Тургенев считался первым русским писателем, обратившим внимание европейского, в особенности, французского, читателя на русскую литературу. Успех произведений самого Тургенева во Франции был вначале связан с событиями крымской войны. Именно в апреле 1854 г. появился перевод «Записок охотника», сделанный Шарьером (E. Charrière) под политически заостренным заглавием «Mémoires d'un seigneur russe ou Tableaux de la situation actuelle des nobles et des paysans dans les provinces russes»¹⁰¹. Одновременно большим успехом пользовались «Scènes de la vie russe», переведенные К. Мармье и авторизованные Тургеневым; этот сборник, содержащий шесть повестей Тургенева, вышел в 1858 г. и до 1919 г. выдержал девять изданий. Вскоре после этого появились переводы тургеневских романов—«Une nichée de gentilhomme» (1861), «Dimitri Roudine» (1862), «Eléna» («Накануне») (1863), «Pères et enfants» (1863), «Fumée» (1868), «Terres vierges» («Новь») (1877) и т. д.

Значительно больший успех выпал на долю Льва Толстого. Правда, переводить его стали позднее, чем Тургенева, именно в 1866 г., причем не непосредственно с подлинника, а с английского перевода. Это было «Детство», переданное как «Nikolinka, l'enfance d'un seigneur russe». Однако, подлинный расцвет интереса к Толстому и его влияние во Франции приходится на 80—90-е годы. В 1879 г. в Петербурге был напечатан перевод «Войны и мира», сделанный кн. Ириной Паскевич (последнее, 21-е, издание вышло в 1930 г.). Появление сперва статей, а потом и книги М. де Вогюэ послужило особенно интенсивным толчком, определившим интерес французского читателя к Толстому.

Толстой привлекает к себе внимание не только, как художник, но в еще большей мере, как мыслитель. О нем создается обширная литература на французском языке. В 1902 г. начал даже выходить специальный журнал «Ege nouvelle», посвященный пропаганде толстовства. Особенно сильное влияние оказал Толстой на Ромэн Роллана¹⁰².

Еще позднее—с 80-х годов—начали появляться переводы из Достоевского, о котором более подробно говорится на дальнейших страницах настоящего обзора.

Однако, увлечение русской литературой доходит в 80—90-х годах до того, что начинают переводить авторов третьестепенных. М. де Вогюэ находит даже нужным выступить против этого явления («Les livres russes en France» в «Revue des Deux Mondes», 1886, от 15 декабря). Если протест Вогюэ был вызван опасениями, что в потоке переводов нашли место такие писатели, как Салтыков-Щедрин¹⁰³, Решетников и другие, показывавшие русскую литературу в ином аспекте, чем это представлялось ему самому, то теоретико-философскими причинами была вызвана статья известного критика Жюль Лемэтра, где ставится вопрос о неизбежности реакции со стороны «латинского гения»¹⁰⁴. При различии мотивов и тот и другой протест исходили из реакционно-идеалистических кругов буржуазии.

Однако, все это не меняет положения; политические и, главным образом, экономические причины—огромное и быстрое завоевание французским капиталом русской промышленности и политическое следствие этого—франко-русский союз 1891 г.¹⁰⁵—заставили уделить большее внимание изучению русского языка и литературы. В 90-х годах при провинциальных университетах организуется ряд кафедр русского языка

и литературы; в 1891 г. Поль Буайе занимает кафедру русского языка в Школе восточных языков: он, как отличный лингвист и знаток русской литературы, а помимо того, прекрасный учитель, не перестанет в течение 45 лет привлекать к себе учеников и направлять самых лучших из них на научную работу (Лабри, Мазон, Мартель, Патуйе, Дюшен и др., почти все руссологи 10—20-х годов XX столетия, были его учениками); в 1892 г. открывается кафедра в Лилле (с Э. Омано в главе), затем открываются курсы русского языка и литературы в Канне (проф. Пьер Камена д'Альмейда¹⁰⁶), в Дижоне (Жюль Легра; впоследствии дижонские курсы обращаются в кафедру при университете), в Марселе и других городах. Русский язык вводится, как предмет преподавания, в ряде военно-учебных заведений и лицеев¹⁰⁷.

Наряду с расширением университетского преподавания русского языка и литературы, возникает в 90-е и последующие годы ряд научных обществ и периодических изданий. Так, в 1898 г. учреждается в Париже «Франко-русское общество» («*Société franco-russe*»), в состав которого, кроме ряда ученых, входят и политические, и финансово-промышленные деятели, участники акционерных компаний, действовавших тогда в России. Этим обществом выпускался журнал «*Revue des Etudes russes*» (1899—1900), переименованный затем в «*Revue des Etudes franco-russes*» (1910—1911). Здесь было напечатано несколько интересных по материалу историко-литературных статей, давались критические обзоры, а также переводы русских авторов и небесполезная в историографическом плане хроника. Главным редактором этого издания был де Ларивьер (Charles de Larivière)¹⁰⁸.

В 1909 г. французские руссологи (Леже, Вогюэ, Лирондель и Легра) приняли участие в московских торжествах по случаю столетнего юбилея со дня рождения Гоголя и присутствовали на открытии памятника писателю. Выступление это нельзя рассматривать, как случайный факт,—оно имело политическую окраску, что откровенно подчеркивалось в речах большинства ораторов-французов, в форме признания франко-русского единения¹⁰⁹.

В том же 1909 г. возникло при Парижском университете новое общество «*Association franco-slave de l'Université de Paris*», при участии П. Буайе, Э. Дени, А. Мейе, Л. Леже, А. Леруа-Больё и др. Это общество, помимо научных целей, имело и популяризационные задачи, ориентируясь, главным образом, на студенчество¹¹⁰. В течение 1910—1912 гг. вышло 3 номера «*Bulletin de l'Association franco-slave de l'Université de Paris*». Почти одновременно с последним изданием стал выходить «*Bulletin de l'Enseignement français en Russie*» (Moscou, 1911—1912).

Но гораздо серьезнее всех названных обществ и изданий должно быть рассматриваемо учреждение, по мысли П. Буайе, Французского института в Петербурге (*Institut français de St.-Petersbourg*); он теперь продолжает существовать в Париже под названием *Institut français de Léningrad*, причем деятельность его проявляется в издании «*Bibliothèque de l'Institut français de Léningrad*», где печатались капитальнейшие работы, в дальнейшем перечисляемые, Мазона, Патуйе, Лиронделя, Дюшена, Мартеля и др.¹¹¹.

Из французских руссологов этого периода особо следует остановиться на Эмиле Омане (Emile Naumant). Как было отмечено выше, он с 1892 г. преподавал русский язык и литературу в Лилле, затем перешел на вновь открытую кафедру русского языка в Париже, в Сорбонне, которую занимал до 1929 г., когда ушел в отставку. Ученик и родственник Альфреда Рамбо, на дочери которого он женат, Оман начал с исторических работ: «*La Guerre du Nord et la Paix d'Oliva (1655—1660)*», Р., 1896, и «*Quid detrimenti Slavi ceperunt ex invasione Hungarorum*», Р., 1896, и лишь затем перешел к истории русской культуры и литературы. Оман особенно интересовал вопрос о взаимоотношениях Франции и России. Одна из первых значительных статей его в этом направлении была посвящена судьбе и роли

французского романа в России («Journal des Débats», 1896, от 20 мая); не менее интересна с фактической стороны и статья «La Sorbonne et la Russie» («Revue internationale de l'Enseignement supérieur», 1903). Наиболее крупным трудом Омана в данной области является его «La Culture française en Russie (1700—1900)», P., 1910; 2-е éd., 1911. Труд этот представляет солидный вклад, не столько самостоятельный, сколько обобщающий и сводный, без помощи которого, однако, не обойтись ни одному из тех, кого привлекает та же проблема. Книга Омана не случайно была премирована Академией моральных и политических наук. Эта научная работа имела целью показать, что Россия из отсталой азиатской державы стала могущественным культурным европейским государством «если не благодаря нам, то, по крайней мере, при нашей помощи» (стр. 527). Оман считает нужным указать, цитируя при этом Ж. де Местра, что Франция нередко «отравляла» русские умы. «Мы должны также отметить, что мы посылали русским и всевозможные противоядия, включая самого Жозефа де Местра,—им был предоставлен выбор» (там же). Отсюда понятна тревога Омана за судьбу франко-русской дружбы после 1905 г. Отмечая уменьшение роли тех классов русского общества, которые больше всего стояли за Францию, Оман не выражает опасений относительно сохранения контакта с новыми классами, с «народной» Россией («la Russie populaire»), т. е. с Россией буржуазной,—его волнует вопрос о «России инородческой» («la Russie des allogènes»).

Таким же политическим характером проникнуты и другие работы Омана: «La Russie au XVIIIe siècle», P., 1904, и «L'empereur Nicolas Ier et la France» («Revue de Paris», 1902, avril).

Не останавливаясь подробнее на этих исторических трудах Омана,—хотя в первом из них заключительный (IV) раздел посвящен литературе,—обратимся к двум собственно литературным работам его: «Ivan Tourguénief. La Vie et l'Œuvre», P., 1906 (премирована Французской академией) и «Pouchkine», P., 1911. Первая из них дает довольно подробную и хорошо документированную биографию Тургенева и ставит себе целью остановиться на тех сторонах его творчества, которые представляют интерес для французского читателя в связи с «современным кризисом», т. е. с событиями 1905—1906 гг. (книга вышла в ноябре 1906 г.). Рассмотрев «жизнь и творчество» Тургенева, Оман приходит к выводу, что «если его творчество в некоторой части устарело, то другая часть еще ярко освещает нынешнюю драму». Его искусство всегда останется образцом «той чистоты линий, той идеальной и реальной красоты», которой он восторгался у Гуно (стр. 308). Кроме того, Оман посвятил Тургеневу статью «Тургенев на Западе» («Минувшие Годы», 1908, № 11).

Еще более биографична книга Омана о Пушкине (в серии «Les grands Ecrivains étrangers»). Местами встречаются в ней не лишние замечания (например, о пушкинской прозе, стр. 181—194), иногда недурные стихотворные переводы из Пушкина, недурные постольку, поскольку они близки к тексту и в некоторых случаях к настроению подлинника (ср. перевод «Послания в Сибирь», стр. 153—154). Основная мысль книги о Пушкине выражена Оманом, как обычно, в заключительных строках его работы. Это мысль о том, что французское начало в Пушкине, несмотря на весь его русский характер, наиболее сильное и что в творчестве его французы узнают, «наряду с французским изяществом былых времен, тот дух отваги и веселья, апостолами которого они были в Европе» (стр. 217). К книге Омана приложена небольшая, но полезная библиография переводов из Пушкина на французский язык и работ о нем.

В 1914—1918 гг. вышли 6-е и 7-е издания «Истории России» Альфреда Рамбо, при участии Э. Омана. К 1921 г. относится отсутствующая в ленинградских книгохранилищах работа Омана «Le Problème de l'unité russe». Прочие работы Омана посвящены Югославии (1918 и 1930)¹²³.

МЕЛЬХИОР ДЕ ВОГЮЭ

Фотография 1880-х гг.

Литературный музей, Москва

В течение 90-х и 900-х годов появляется ряд антологий из русской поэзии, например, «Les poètes russes», P., 1891; E. de Saint-Albin, Les poètes russes, P., 1893; Olga Lançeraу, Anthologie des poètes russes. 2 vols., SPB., 1902—1903; 2-e éd., P., 1911; J. Chuzeville, Anthologie des poètes russes, P., 1914 и др.

Многочисленные переводы появляются в журналах, сборниках и т. д. К старым писателям—Тургеневу, Толстому и Достоевскому,—переводы из которых очень часты, присоединяются также Чехов и, в особенности, Горький, брошюра о котором Вогюэ выдержала свыше тридцати изданий. Привлекают внимание новые течения в литературе (Ivan Strannik, La Pensée Russe contemporaine, P., 1903). Печатаются популярные истории русской литературы (Валишевского, 1900, два издания, Л. Боярского, 1910). Кроме такой полунаучной продукции, появляются труды серьезного характера. Исследования о русских писателях становятся постепенно темами докторских диссертаций (Раина Тырнева—о Гоголе, 1901; Ольга Крамарева—о Грибоедове, 1907, Патуйе—об Островском, Лирондель—об А. Толстом, Мазон—о Гончарове, 1914, Э. Дюшен¹¹³—о Лермонтове). Большая часть этих работ представляет по материалу явление значительное, заставляющее и советского специалиста—историка русской литературы обращаться к этим трудам. Французское руссоведение постепенно завоевывает себе достойное место и признание¹¹⁴.

IV

Так обстояло дело с изучением русской литературы ко времени европейской войны и революции. Совершенно естественно, что социальный переворот, происшедший в нашей стране, повлекший за собой, в первую очередь, уничтожение права частной собственности на промышленные капиталистические предприятия, как русские, так и иностранные, не мог не отразиться на судьбах изучения русской литературы французами. Если, как правильно отметил Ж. Мишон¹¹⁵, франко-русский союз (и, следует прибавить, выросшее на его почве руссоведение) явился следствием уси-

ления реакционных элементов в политике Франции, то естественно, что революционные события в определенном смысле сказались на характере дальнейших работ французских историков русской литературы. Прежде всего, это выразилось в отмене преподавания русского языка в лицеях.

Затем, примерно до 1923—1924 гг. литературные русские темы почти не привлекают внимания французских исследователей. Наоборот, общеславянские и специально чешские, югославские и польские материалы притягивают к себе и новых и старых работников, что, конечно, стоит в тесной связи с политическим значением Малой Антанты и возросшим удельным весом западного и южного славянства. Для большей концентрации и координирования работы по изучению славянства в целом (включая и русские) был основан Institut des études slaves (1920), при котором с 1921 г. стал выходить журнал «Revue des études slaves», под редакцией слависталингвиста А. Мейе, где, наряду с ценными исследовательскими работами, находит место обстоятельная библиографическая хроника, русский отдел которой ведет проф. А. Мазон. Журнал этот стремится быть объективным и аполитичным. Другой журнал, такого же общеславянского направления, «Le Monde Slave», выходил в 1917—1918 гг. и после перерыва возобновлен с 1924 г.¹¹⁶.

В 1927 г. в Париже возникло новое литературно-научное общество взамен распавшихся предвоенных, упомянутых выше,—это «Société des Slavisants», где, наряду с прочими славянскими темами, ставятся и русские¹¹⁷.

В настоящее время университетское преподавание русского языка и литературы во Франции имеет место в следующих научных учреждениях:

1. Париж. Collège de France—проф. А. Мазон.
2. Париж. Sorbonne (Université de Paris)—проф. Р. Лабри.
3. Париж. Ecole des langues orientales—проф. П. Паскаль.
4. Лилль. Университет—проф. А. Эрман.
5. Лион. » —проф. М. Эрарт.
6. Страсбург. » —проф. Б. Унбегаун.
7. Монпелье. » —проф. Л. Теньер.

Число новых работников по русской литературе за этот период растет сравнительно медленно. Выдвинулись за эти годы А. М а р т е л ь (о нем см. ниже), Л. Ж у с с е р а н д о (Louis Jousserandot)¹¹⁸, А. М о н г о (Henri Mongault)¹¹⁹.

Наиболее крупным историком литературы среди современных французских руссоведов, несомненно, является президент Institut des études slaves, профессор в Collège de France, член-корреспондент Академии наук СССР, А н д р е М а з о н¹²⁰. Не касаясь его важных лингвистических работ, должно отметить, что уже первый историко-литературный труд Мазона по русской литературе: «Un maître du roman russe. Ivan Gontcharov», Р., 1914, представлял ценнейший вклад в изучение русского романа вообще и, в особенности, деятельности Гончарова. Эта работа остается единственной цельной монографией о Гончарове до сих пор¹²¹. И последующие публикации Мазона, в частности, связанные с его работами в архиве И. С. Тургенева, а также исследования былин и древнерусской литературы (работы о «Слове о полку Игореве» и «Задонщине»), занимающие его в последние годы, являются трудами, знакомство с которыми необходимо для каждого специалиста по соответствующим проблемам.

Свои взгляды на изучение истории славянских литератур Мазон изложил во вступительной лекции в Collège de France 6 февраля 1924 г., напечатанной под заглавием: «Le patrimoine commun des études slaves» («Revue des études slaves», 1924, t. IV, fasc. 1—2, pp. 113—132). Из этой лекции, читанной еще до признания Францией Советского Союза (осенью 1924 г.), явствует, что Мазон отчасти примыкает к традициям своих предшественников по кафедре в Collège de France, рассматривая рус-

скую литературу, по крайней мере средневековую, лишь, как часть славянской. Хотя он и признает ее своеобразие, как, впрочем, и остальных славянских литератур, но считает возможным подчинить изучение ее идее «общего наследия» («patrimoine commun»). При этом невольно бросается в глаза то обстоятельство, что об отношении своем к изучению новейшей и современной русской литературы Мазон не говорит вовсе. Это, несомненно, большой пробел. Интересы французских изучений истории русской литературы в праве требовать от А. Мазона более определенного ответа на данный вопрос: его слово, как признанного главы французских историков русской литературы, имеет большое значение.

Из остальных французских *gussisants* следует остановиться на трех представителях старшего поколения—Ж. Легра, А. Лиронделе и Ж. Патуйе, на сравнительно молодом, начавшем интенсивно работать уже после Октябрьской революции Р. Лабри и на недавно умершем А. Мартеле.

Из них Жюль Легра¹²²—наиболее старый. Его диссертация, написанная еще, по старинному французскому обычаю, по-латыни, вышла в 1897 г. и была посвящена Карамзину и его отношениям к западным сентименталистам. Она называлась «De Karamzinio Laurentii Sterni et J. J. Rousseau nostri discipulo» («О Карамзине, ученике Лаврентия Стерна и нашего Ж.-Ж. Руссо»). В отличие от вышеперечисленных авторов, давших ряд солидных монографий, с которыми должен считаться и советский литературовед, Легра больше занимался беллетристическими зарисовками «русских нравов» и философскими анализами «русской души»¹²³.

Кроме переводов из Л. Толстого, П. Ф. Якубовича («Dans le monde de réprouvés», P., 1901) и др., «Опыта русской грамматики» («Précis de grammaire russe», P., 1922) и ряда статей в журнале «Le Monde Slave», Легра принадлежит первая, после старой работы Леже, попытка дать связный очерк развития русской литературы. В 1929 г. им была выпущена в издательстве Armand Collin изящная книжечка «La littérature en Russie» (222 pp.). На этой работе Легра следует остановиться

V^{TE} E. M. DE VOGÜE

LE

ROMAN RUSSE

PARIS

LIBRAIRIE PLOON
E. PLOON, NOURRIT ET Cie, IMPRIMEURS-ÉDITEURS
RUE CASANOVIA, 19

1886

Tous droits réservés

„РУССКИЙ РОМАН“
МЕЛЬХИОРА ДЕ ВОГЮЭ

Титульный лист первого отдельного
издания, 1886 г.

несколько подробнее. Свою методологическую позицию Легра определяет уже в предисловии; для него русская литература является выражением «русского характера и русского духа» (*«esprit russe»*), которые, повидимому, нисколько не изменились за семь-восемь веков (*«lesquels semblent n'avoir guère changé au cours de sept ou huit siècles de vicissitudes»*). Древнерусская литература вплоть до петровских и даже екатерининских времен представляется Легра «огромной пустыней». Значительно выше ценит Легра устную словесность и затем переходит к беглой импрессионистской характеристике отдельных явлений новой русской литературы. С фактической стороны книжечка Легра несвободна от ошибок, в особенности в датировках¹²⁴. Самые характеристики отдельных авторов, даваемые Легра, строятся по определенным разделам—подчеркивается «славянофильство» или «западничество» анализируемого писателя, наличие «типичных» черт «русской души» у того или другого автора и т. п.

Не приходится говорить о специфичности отбора авторов в книге Легра. Сам Легра отмечает в предисловии, что «без колебаний выдвигал я из несправедливого забвения (*«d'une ombre injuste»*) различные имена, казавшиеся мне характеристичными... С другой стороны, я не ощущал никаких сомнений, когда обходил молчанием имена некоторых писателей, фигурирующие обычно в истории литературы только для увеличения ее количественной стороны» (*«pour faire nombre»*). Так, в книге Легра нет упоминаний о Рылееве, Чернышевском и др., буквально только названы Добролюбов, Писарев, Глеб и Николай Успенские и др. Что касается «имен, выдвигаемых из несправедливого забвения», то автор ограничился одним только митрополитом Филаретом (стр. 65).

Другому видному современному французскому *russisant*, Андре Лиронделю¹²⁵, принадлежит ряд интересных и полезных работ, как, например: 1) «*Le poète Alexis Tolstoï. L'homme et l'œuvre*», P., 1912; 2) «*Shakespeare en Russie, 1748—1840. Etude de littérature comparée*», P., 1912; 3) «*La poésie lyrique russe de Koltsov à Nadson. Introduction, traduction et notes*», P., 1921; 4) «*La poésie russe de l'art pour l'art et sa destinée*» (*«Revue des études slaves»*, 1921, fasc. 1 et 2, pp. 98—116); 5) «*De Tolstoï à Gorki*», Dunkerque, 1924; 6) «*Les destinées du roman russe en France à la fin du XIXe siècle*» (*«Revue des cours et conférences»*, 1925, pp. 717—741); 7) «*Pouchkine, œuvres choisies, introduction et notes*», P., 1926.

Наибольший интерес представляют две первые из перечисленных работ. Как большая часть исследований французских руссологов, книги Лиронделя строго фактичны, привлекают обильный материал и в этом смысле сохраняют свое значение, несмотря на неприемлемость для советского литературоведения их методологии. А. Лирондель—ученик Э. Омана. Подобно своему учителю, Лирондель интересуется темами, касающимися проникновения в Россию западных культур и влияния их на русскую. Важнейшая работа Омана, как указывалось, посвящена была французской культуре в России,—главные исследования Лиронделя об Алексее Толстом и о Шекспире в России примыкают к тому же направлению: первое ставит себе целью найти в «поэте-космополите» черты чисто славянские (стр. IX), второе трактует о судьбе шекспиризма в России, являвшегося, по мнению Лиронделя, ссылающегося на своего учителя, Омана, противодействием французским культурным и литературным влияниям¹²⁶.

Жюль Патуйе—автор капитального исследования об Островском: «*Ostrovski et son théâtre de mœurs russes*», P., 1912, вызывавшего единодушную положительную оценку в русской критике¹²⁷. Более сдержанную, хотя и благоприятную, в общем, характеристику работы Патуйе дал Н. К. Пиксанов в своей библиографической работе об Островском¹²⁸. Объемистое исследование об Островском отодвинуло в тень другую, менее обширную, но едва ли не более ценную работу Патуйе, вышедшую одновременно с первой,—«*Le théâtre de mœurs russes des origines à Ost-*

rovski (1672—1850)», Р., 1912. Здесь дано довольно тщательное обозрение постепенного развития реально-бытовой русской драматургии, богато документированное библиографическими материалами, сохраняющее, благодаря этому, известное значение, несмотря на почти четверть-вековую давность. Из более поздних работ Патуйе лишь одна касается русской литературы, именно вышедшая на русском языке книжечка: «Мольер в России», Берлин, 1924; кроме того, Патуйе принадлежит совместно с Raoul Dufour трехтомное издание «Les codes de la Russie Soviétique, Р., 1925—1929.

Andre Mazon

АНДРЕ МАЗОН

С фотографии, снятой в Харькове, в бытность А. Мазона доцентом Харьковского университета, 1906 г.

Из материалов, изложенных выше, можно заметить, что большая часть французских руссологов отошла в настоящее время от русских литературных тем. Наиболее активным руссологом является сейчас Р. Л а б р и, профессор русского языка и литературы в Сорбонне. В довоенное время он работал в Institut français de Pétersbourg, был в первые годы революции в России, а затем, по возвращении во Францию, стал много писать о русских делах. Некоторые, очень краткие, правда, выдержки из его ранних статей о русской революции приведены в упоминавшейся уже книге Жоржа Мишона. По этим данным можно предположить, что Р. Лабри стоял на иной позиции

в оценке Октябрьской революции, чем его французские коллеги. К сожалению, как с его статьями, так и с брошюрой «L'industrie russe et la Révolution», P., 1919, и с книгой «Autour du Moujik», P., 1923, нам познакомиться не удалось. Последняя работа посвящена анализу «мужицкой темы» в русской литературе. Наибольшее же значение имеют две монографии Лабри о Герцене: (1) «Herzen et Proudhon», P., 1928, и (2) «Alexandre Ivanovitch Herzen (1812—1870). Essai sur la formation et le développement de ses idées», P., 1928 (см. рецензию Мазона—«Revue critique», 1929, pp. 277—278).

Большой интерес представляет работа Антуана Мартеля (1899—1931), вышедшая после смерти автора,—«Michel Lomonosov et la langue littéraire russe», P., 1933. Покойный ученый проявил себя в этом исследовании во всем блеске эрудиции, строгого филологического метода и исключительно добросовестного отношения к материалу¹²⁹. Им использованы не только многочисленные печатные источники о Ломоносове, но и ряд рукописных, не попавших до него в поле зрения исследователей. Особенный интерес представляет детальный анализ языка и стиля Ломоносова со стороны содержащихся в них элементов русского и славянского языков и «высокого» и «низкого» стиля. Эти наблюдения займут прочное место в изучении как Ломоносова, так и истории русского литературного языка в XVIII в. Однако, к своей теме А. Мартель подошел, как лингвист, и не учел историко-литературной стороны вопроса, хотя историко-литературный материал использован им очень тщательно. Вследствие этого Ломоносов у Мартеля получается без динамики, без развития; не учтена эволюция во взглядах Ломоносова на роль русского и славянского языков в формировании русского литературного языка; оставлен без внимания частично опубликованный акад. М. И. Сухомлиновым материал, относящийся к студенческому периоду деятельности Ломоносова,—пометки на принадлежавшем ему экземпляре «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» Тредиаковского; в этих пометках Ломоносов является ярким противником славянизмов и в таком духе пишет свои ранние стихи, совершенно свободные от славянизмов¹³⁰. Наконец, А. Мартель не обратил внимания на полемический характер ряда работ Ломоносова, их персональную и, главное, классовую направленность против поэтов «дворянской фронды».

Посмертно изданная книга А. Мартеля была подготовлена к печати Б. Унбегауном и А. Мазоном. Редакторам пришлось проделать большую работу по сверке и уточнению библиографического аппарата диссертации Мартеля, оставившего эту часть своего труда незавершенной. Справились редакторы с этим достаточно удовлетворительно, хотя несколько упреков сделать им можно: например, «Физика», переведенная Ломоносовым («Волфиянская экспериментальная физика»), принадлежала не Wolfian, как указано у Мартеля (стр. 2), а известному Вольфу; затем неверно утверждение (стр. 11) о сожжении палачом «Гимна бороде» Ломоносова; наконец, «Ода на смерть Ломоносова», из предисловия к которой приведена цитата, принадлежала не И. И. Шувалову, а гр. А. П. Шувалову. Как эти, так и другие, впрочем, немногочисленные, неточности нисколько не изменяют общего характера интересной и ценной работы Мартеля. Поль Буайе сообщает в предисловии к книге Мартеля, что вскоре должно выйти в издании Варшавского института еще одно посмертное произведение покойного ученого—«Судьба польского языка на Украине и в Белоруссии». Хотя эта работа, как, впрочем, и исследование о Ломоносове, относится к области языка, но не приходится сомневаться в ее значении и для истории литературы.

Попутно следует отметить имеющую отношение к нашей теме очень интересную работу Фердинанда Брюно: «Histoire de la langue française des origines à 1900», t. VIII. «Le français hors de France au XVIIIe siècle. 1-re partie. Le français dans les divers pays d'Europe», P., 1934. Одиннадцатый раздел этой книги

(pp. 489—529) озаглавлен: «Le français en Russie», и посвящен истории распространения французского языка в России. Эти сорок страниц работы французского академика содержат огромное количество материала и представляют необходимое пособие при изучении франко-русских культурных отношений в XVIII в.

Возвращаясь к рассмотрению послеоктябрьских изучений русской литературы во Франции, должно отметить, что, при сравнительном затишье историко-литературных штудий, интенсивно развивается в эти годы переводческая деятельность. На первых порах внимание уделялось, главным образом, дореволюционной (классической, по преимуществу) русской литературе. Возникает ряд серий: «Les Auteurs classiques russes»¹³¹, «Collection des textes intégraux de la littérature russe»¹³², «Les jeunes Rus-

АНТУАН МАРТЕЛЬ

С фотографии 1920-х гг.

ses»¹³³ и др. Попрежнему большим и даже еще большим успехом пользуется Достоевский. Его не только переводят, ему не только подражают, но и изучают¹³⁴.

Из других фактов, характеризующих интерес французов к русской литературе, должно отметить выход собрания сочинений и писем Чехова в переводе D. Roche и многочисленные переводы из Горького¹³⁵. Современная литература привлекает внимание не ученых-специалистов, а литераторов и журналистов. Так, статьи по литературе послеоктябрьского периода находятся в литературных газетах «Les Nouvelles littéraires» и «Candide». К «Cahiers de la quinzaine» дан был ряд приложений, из которых следует упомянуть «La littérature soviétique» (P., s. a., 80 pp.); в № 8 этого журнала за 1930 г. была статья В. Сремieux et Wsewold de Vogt о русском романе после 1918 г. В 1929 г. вышла «Panorama de la littérature russe contemporaine» В. Познера, представляющая перепечатку статей о современной русской литературе, ранее опубликованных в газете «Nouvelles littéraires»; в том же году он выпустил «Anthologie de la prose russe contemporaine» (P., 1929, 2-e éd.).

Переводчик J. Chuzeville поместил в «*Mercure de France*» (1925, 15 sept.) большую статью «*La poésie russe de 1890 à nos jours*», впрочем, без учета пролетарской поэзии.

Особое внимание стали привлекать во Франции факты из истории русской философской и религиозной мысли: Séillère, *Le cœur et la raison de M-me Swetchine*, P., 1924; I. Rouët de Journal, *Une Russe catholique, Madame Swetchine, d'après de nombreux documents nouveaux*, P., 1929. Этому же автору принадлежат работы по истории католицизма в России. Сюда же следует отнести сугубо идеалистические книги: белоэмигранта Alexandre Kougé, *La philosophie et le problème national en Russie au début du XIXe siècle*, P., 1929 (рецензия А. Мазона—«*Revue critique*», 1929, pp. 228—229) и Charles Quénet, *Tchaadaev et les lettres philosophiques; contribution à l'étude du mouvement des idées en Russie*, P., 1931. К этой линии «истории идей в России» примыкают и указанные выше работы Р. Лабри. Из работ, представленных в виде диссертаций, следует отметить вызвавшую отрицательный отзыв А. Мазона («*Revue des études slaves*», 1926, fasc. 1—2, p. 123) книгу Р. Kovalevsky, N. S. Leskov, *peintre méconnu de la vie nationale russe*, P., 1926, а также Joseph Vaichère, *Dostoïevsky au regard de la médecine*, Bordeaux, 1930.

Из сказанного явствует, что современная советская литература недостаточно привлекает внимание французских ученых-специалистов. Также не уделяют французы соответствующего внимания изучению литературоведческих споров в СССР. Кроме статей о формальном методе Б. В. Томашевского («*Revue des études slaves*», 1928, fasc. 3—4, pp. 226—240), Нины Гурфинкель («*Le Monde Slave*», 1929, fasc. 2, pp. 234—263) и ее же и Р. Van-Tieghem (в «*Revue de littérature comparée*» за 1931 г.), другие сведения о литературоведческой жизни СССР в научную литературу Франции, кажется, не проникали.

К числу новых явлений послеоктябрьского периода изучения русской литературы о Франции должно отнести опубликование ряда довольно полезных работ библиографического характера, каковы: V. Victoroff-Todoroff, *Rossica et Sovietica. Bibliographie des ouvrages parus en français de 1917 à 1930 inclus relatifs à la Russie et à l'USSR*, P., 1931; Boris Unbégaun, *Catalogue des Périodiques Slaves et relatifs aux études slaves des bibliothèques de Paris*, P., 1929; Vladimír Bouchik, *Bibliographie des œuvres littéraires russes traduites en français*, P., 1935¹³⁶. Несмотря на свой компилятивный характер, несмотря на ряд неизбежных пропусков, обусловленных принципом составления этой библиографии, являющейся, в сущности, сводным каталогом, а не самостоятельным разысканием,—несмотря на все это, книга Bouchik представляет полезное пособие, позволяющее наводить первые и основные справки. Досадно только, что автор ограничился перечислением одних лишь отдельных изданий переводов русских писателей и почти не включил журнальных и газетных публикаций, которые иногда играли исключительно важную роль. Затем, если бы автор, кроме перечисленных им в предисловии источников, использовал также и персональные библиографии (например, о Ломоносове, Державине, Крылове, Пушкине, Гоголе, Лермонтове, вплоть до Брюсова), в которых перечисляются переводы на французский язык произведений названных писателей, то его труд только выиграл бы от этого.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Попытки обзора изучений русской литературы и русского языка во Франции делались неоднократно. Однако, они ограничивались преимущественно XIX в., именно второй его половиной. В большинстве своем это были простые перечисления библиографического и отчасти биографического материала. Наиболее важные работы следующие: 1) L[ouis] L[é]g[e]r, *Les études russes en France.—«La Russie»*,

éd. P. Larousse, P., 1892, pp. 475—484; 2) Halpérine-Kaminsky, L'enseignement de la langue russe en France.—«Revue bleue», 1892, № 13, 24 septembre, pp. 402—408; 3) И. Д. Гальперин-Каминский, Руссоведение во Франции.—«Русская Мысль», 1894, № 9, отд. II, стр. 28—42; 4) Halpérine-Kaminsky, Sur la littérature russe en France.—«Revue générale internationale», 1897, mars; 5) Ch. de Larivière, De l'enseignement du russe en France et du rôle commercial de la France en Russie.—«La Revue politique et parlementaire», 1898, 10 mai; 6) Leonce Pingaud, Les précurseurs des études russes en France au XVIIIe siècle.—«Revue des études russes», 1899, № 2, pp. 48—53; 7) E.-M. de Vogüé, Lettre sur les études russes.—«Revue hebdomadaire», 1910, от 9 апреля; 8) С. В. Соловьев, Современное положение русского языка и литературы во Франции.—«Вестник Харьковского Историко-Филологического Общества», 1911, вып. 2-й, стр. 22—27 и отд., перепечатано также в собрании статей Соловьева по истории западно-европейских литератур; 9) J. Patouillet, Les études russes contemporaines en France.—«Известия Академии Наук, VI серия», 1916, № 18, стр. 1779—1788; 10) A. Mazon, Les études slaves.—«La Science française», 2-e éd., P., 1933, t. II, pp. 451—474. Брошюра Р. Ковалевскы, Les études littéraires russes en France 1830—1930, P., 1933, 16 pp., и статья Фельдмановой-Родштейн, Об истории славяноведения во Франции.—«Ruch Slovianski», 1933, № 7, str. 123—127 (см. рецензию в «Zeitschrift für ost-europäische Geschichte», 1934, B. VII, Heft 3, S. 433), остались мне недоступны.

² Гейманн, *Conspectus historiae litterariae*, 4-е изд., L., 1735, p. 21, прим. (п).

³ «Язык и Литература», т. V, Л., 1930.—«Изучение русской литературы иностранцами в XVIII веке», стр. 87—136.

⁴ О степени знакомства Франции с Россией в средние века, по крайней мере, в отражениях художественной литературы, информирует статья Grégoire Lozinsky, *La Russie dans la littérature française du moyen âge*.—«Revue des études slaves», 1929, fasc. 1—2, pp. 71—88; fasc. 3—4, pp. 253—269. О более поздней эпохе сведения собраны у Abel Mansu, *Le monde slave et les classiques français aux XVIe—XVIIe siècles*, P., 1912, pp. 423—476, гл. «La Russie et la littérature française du XVIIe siècle».

⁵ Записка о путешествии в Россию в 1586 г. Жана Соважа была напечатана в русском переводе в «Русском Вестнике», изд. Н. А. Полевого, 1841, т. I, стр. 223—230. Ср. Paul Boyer, *Un vocabulaire français-russe de la fin du XVIe siècle. Extrait du Grand Insulaire d'André Thevet*.—«Recueil des Mémoires orientaux», 1905, V^e série, vol. V, pp. 437—495 и отд., P., 1905. Ср. Ch. de La Roncière, *Premier toast de l'alliance franco-russe 1586*.—«Le Correspondant», 1903, от 10 января, pp. 129—133, по поводу «Dictionnaire moscovite» из 621 слова и коротких фраз, приложенного к одному из списков «Записки» Жана Соважа. Ср. Б. А. Ларин, *Парижский словарь русского языка 1586 года*.—«Советское Языкознание», 1936, № 2, стр. 65—89.

⁶ «Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France», t. VIII. Russie. Partie I^e, P., 1889, p. 23; П. В. Безобразов, О сношениях России с Францией, М., 1892, стр. 5.

⁷ Безобразов, *op. cit.*, стр. 14; В. С. Иконников, Сношения России с Францией (XVI—XVIII вв.), Киев, 1893, стр. 16.

⁸ В. С. Иконников, Новые материалы для истории царствования Петра Великого (сношения России с Францией), Киев, 1887, приложение, стр. 2.

⁹ В лингвистической литературе известна рукопись так называемой «Grammaire russienne» Жана Соийе (Jean Sohier), 1724. По изысканиям Н. Кульмана, эта рукопись представляет собой перевод известной грамматики Лудольфа, *Grammatica russica*, Оксфорд, 1696. Ср. «De Grammatica russica par H. W. Ludolf».—«Le Monde Slave», 1932, № 1, pp. 404—414; ср. также «Revue des études slaves», 1932, fasc. 1—2, pp. 103, 155. О Лудольфе см. также С. П. Обнорский, *Русская грамматика Лудольфа 1696 года*.—«Советское Языкознание», 1937, № 3, стр. 41—58; переиздание книги Лудольфа с русским переводом и комментарием Б. А. Ларина вышло в 1937 г.

Попутно обращаю внимание специалистов на любопытное указание в книге Martini Lipenii, *Bibliotheca realis philosophica omnium materiarum, rerum & titulorum ordine alphabetico disposita*, Fr. a. M., 1682, t. II, p. 964, под рубрикой «Moscovitica lingua», на анонимное издание «Elementa linguæ Russicæ» in 8°; ни автор, ни место, ни дата издания не приведены.

¹⁰ Безобразов, *op. cit.*, стр. 27; E. Naumant, *La culture française en Russie*, P., 1910, p. 6; ср. «Chevræana ou pensées diverses d'histoire, de critique...», Amsterdam, 1700, t. I, p. 16.

¹¹ О Схенде ван дер Бехе см. «Язык и Литература», т. V, Л., 1930, стр. 97—99; перевод его статьи «О состоянии просвещения в России в 1725 г.».—«Сын Отечества», 1842, № 1, стр. 3—35.

¹² В. С. Иконников, Новые материалы..., Киев, 1887, стр. 54—56; L. P i n g a u d, Les Français en Russie et les Russes en France, P., 1885, pp. 14—16; E. H a u m a n t, op. cit., pp. 25—28.

¹³ Joh.-Th. B u h l e, Prolusio de Auctoribus supellectilis litterariæ Historiam Russicam proxime spectantis.—«Catalogus praelectionum in Universitate Literarum Cæsarea Mosquensi, A. D. XVII Aug. MDCCCXI habendarum», М. (s. a.), p. 12.

¹⁴ Иконников, Новые материалы..., стр. 16; Сношения России с Францией, стр. 23.

¹⁵ L. P i n g a u d, op. cit., pp. 106—109; E. H a u m a n t, op. cit., pp. 23—25, 54—66.

¹⁶ Н. Болтин, Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, СПб. 1788, т. II, стр. 31.

¹⁷ М. Н. Попова, Теодор-Генрих Чуди и основанный им в 1755 г. журнал «Le Caméléon littéraire».—«Известия Академии Наук СССР, Отделение Гуманитарных Наук», 1929, № 1, стр. 17—48.

¹⁸ Н. Н. Бантыш-Каменский, Обзор внешних сношений России (по 1800 год), М., 1902, ч. IV, стр. 106.

¹⁹ «Recueil des instructions... Russie», P., 1890, t. II, p. 3.

²⁰ «Le Russe à Paris, petit poème en vers alexandrins, composé à Paris, au mois de mai 1760, par M. Ivan Alethoff, secrétaire de l'ambassade russe».—V o l t a i r e, Œuvres complètes, éd. Moland, P., 1877, t. X, p. 119—131. Поэма Вольтера представляет диалог между русским и французом, причем последний в резкой форме порицает современную французскую жизнь. Смысл поэмы заключен в последних стихах, представляющих слова русского (стр. 131):

Hélas! Ce que j'apprends de votre nation
Me remplit de douleur et de compassion.

.....
Adieu, je reviendrai quand ils [les français] seront changés.

(Увы! То, что я узнаю о вашем народе,
Наполняет меня скорбью и состраданием.

.....
Прощайте, я вернусь, когда они [французы] изменятся).

Вольтеровской формой воспользовался во время первой Французской революции Леклерк де Вож (Leclerc des Vosges), выпустивший под псевдонимом P e t e r s - S u b w a t h é k o f f, под тем же названием, что и Вольтер, аналогичную поэму, выдержавшую три издания.—«Le Russe à Paris, petit poème en vers alexandrins, imités de M. Ivan Alethoff», P., 1796 (3-е éd., Liège, 1799). Это подражание оканчивается приблизительно так же, как и оригинал Вольтера:

Adieu, je reviendrai quand vous serez libres!

(Прощайте, я вернусь, когда вы станете свободными!).

²¹ Сборник «XVIII век», изд. ИРЛИ, под ред. акад. А. С. Орлова, Л., 1935, стр. 351—366.

²² «Satyres de Monsieur le Prince Cantemir avec l'histoire de sa vie. Traduites en français», Londres, 1749; 2-е издание, Londres, 1750.

Переводчик-итальянец подписавший инициалами Л. А. В литературе о Кантемире переводчиком принято считать аббата Гуаско; впрочем, высказывалось без достаточного основания мнение, что переводчиком был аббат Вентути. О Гуаско см. «Biographie Universelle», éd. Michaud, 1857, t. XVIII, pp. 19—20.

²³ В корреспонденции своей от 9 марта 1782 г. Блен де Сенмор сообщает о выходе в свет в Париже книги члена Французской академии Ле Миерра «Poésies fugitives» и отмечает в ней стихотворение «Lever du Soleil», как вольное подражание русскому поэту. Это стихотворение Ле Миерра является переводом «Утреннего размышления о божьем величестве» Ломоносова—см. в настоящем издании статью Ю. Готье, Литературная корреспонденция Блен де Сенмора в Россию (т. I, стр. 210 и 254).

²⁴ В «Gazette Universelle de littérature, ou Gazette des Deux-Ponts» за 1770 г. (стр. 366) был помещен разбор комедии В. Бибикова «Лихоимец».—Сборник «XVIII век», изд. ИРЛИ, под ред. акад. А. С. Орлова, Л., 1935, стр. 370—376. В той же «Gazette des Deux-Ponts» была помещена перепечатанная затем в «L'Esprit des Journaux» (1776, pp. 227—234) статья «Essai sur l'ancien théâtre russe», представлявшая

переработку первой главы статьи Я. Штелина о русском театре, помещенной в «*Haygold's Beylagen zum neueränderten Russland*», В. II, S. 397—399.—«*Germanoslavica*», 1931, № 2, стр. 237, прим. к стр. 236.

²⁵ См. «Известия Академии Наук СССР, Отделение общественных наук», 1931, № 8, стр. 937, 952. Следует отметить в том же выпуске «Известий» статьи А. И. Лященко и Д. Д. Шамрая, где автором «*Nachricht*» признается С. Г. Домашнев.

²⁶ «*Essai*», изд. 1771, стр. 3; ср. «Материалы для истории русской литературы», под ред. П. А. Ефремова, СПб. 1867, стр. 129, 145.

²⁷ Joh.-Georg Sulzer, *Allgemeine Theorie der schönen Künste*, Leipzig, 1792, S. 649; М. И. Сухомлинов, Подробный конспект по словесности 1877—1878 гг. (литографированный курс), стр. 28—29. В отмеченной в прим. 25-м статье А. И. Лященко высказывается, однако, довольно категорически: «Можно с полной уверенностью утверждать, что издателем французского текста было то же лицо, которое передало в 1768 г. «Известие» для напечатания в немецком лейпцигском издании». — «Известия АН СССР, Отд. общ. наук», 1931, № 8, стр. 966.

²⁸ «Литературное Наследство», 1933, № 9—10, стр. 286—294. Статья была переведена на французский язык М. В. Сушковой (урожд. Храповицкой). См. о ней Н. Н. Голыцын, Библиографический словарь русских писательниц, СПб. 1889, стр. 241—242.

²⁹ В 1772 г. это издание вышло и в немецком переводе, что делает еще очевиднее его политическую тенденцию.

³⁰ Выставка «Ломоносов и елизаветинское время», т. VII, П., 1915, стр. 199.

³¹ «Язык и Литература», т. V, Л., 1930, стр. 117—119.

³² Насколько у нас ценили взгляды Левека на русскую литературу, видно из того, что через 25 лет по выходе его «Истории России» (второе издание вышло в 1800 г.) в «Вестнике Европы» была помещена статья «Мнение Левекова о Русской словесности» («Вестник Европы», 1807, № 10, стр. 114—118), представляющая перевод соответствующих глав «Истории».

³³ «Язык и Литература», т. V, стр. 119—120; М. И. Сухомлинов, История Российской академии, вып. V, стр. 110—128 и 377—394. Нелишне напомнить, что очень много материалов по истории России, а может быть, и литературы Леклерк получил от М. Г. Собакина, о котором см. «Литературное Наследство», 1933, № 9—10, стр. 421—432.

³⁴ Полностью речь—см. Сухомлинов, История Российской академии, т. V, стр. 383—390; ср. «Записки Академии наук», т. X, кн. II, СПб., стр. 178—181, и П. Пекарский, История Академии наук, т. II, СПб. 1873, стр. 877—879. Резкую критику историко-литературной части сочинения Леклерка см. Н. Болтин, Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, СПб. 1788, т. II, стр. 28—104.

³⁵ В 1792 г. выходят «*Œuvres posthumes*» Рюльера, очевидца переворота 1762 г.; в 1797 г. появляются его «*Anecdotes sur la Révolution de la Russie en 1762*», в рукописи, причинившие в свое время Екатерине не мало неприятностей и, согласно уговору с автором, долженствовавшие выйти в свет только после смерти императрицы. Тогда же выходят памфлеты: 1) «*Conférence de Catherine II avec Louis XV*»; 2) «*Catherine II aux Champs Elysées*» (1797); 3) «*Pierre le Grand*», tragédie (1796); 4) *Sylvain Maréchal, Le dernier jugement des rois*, P., 1795 (перевод—см. сборник «Театральное Наследие», 1934, т. I, стр. 255—276); 5) *Sylvain Maréchal, Histoire de la Russie réduite aux seuls faits importants*, Londres, 1802.

Отметим также изданную *Blin de Sainmore, Histoire de Russie représentée par figures accompagnées d'un précis historique; les figures gravées par F. A. David, d'après les dessins de Monnet. Le discours par Blin de Sainmore (1797—1799)*, 2 vols. (в серии «*Collection de l'artiste*»; переиздана в 1813 г. в трех томах). В предисловии автор указывает, что он пользовался, как основным источником, «Историей» Левека, ставя себе задачей дать лишь занимательные пояснения к иллюстрациям, тексту же отводятся подчиненное по сравнению с иллюстрациями положение. О Блен де Сенморе см. в настоящем издании публикацию Ю. Готье, т. I, стр. 201—258.

³⁶ Не лишено интереса то обстоятельство, что в 4-м томе *Desessarts, Bibliothèque d'un homme de goût*, P., 1799, включена небольшая статейка «О русском красноречии» («*De l'éloquence russe*», pp. 167—169). Составитель пользовался «Историей» Левека, на которую ссылается, затем, без ссылки, «*Essai sur la littérature russe*» (о Сумарокове) или какой-нибудь его обработкой и, наконец, «*Dell'origine etc.*» Жуана Адреса.—«Язык и Литература», т. V, стр. 120—123. Статьи имеет исключительно информационный характер, но симптоматичным является самое включение материалов о русской литературе.

³⁷ П. В. Безобразов, *op. cit.*, стр. 304.

³⁸ Prince Clénergow—псевдоним французского писателя Кармонтея (Carmontel, 1717—1806), выпустившего в 1771 г. «Théâtre du Prince Clénergow, Russe, traduit en François par le Baron Blening, Saxon», 2 тт. О Кармонтеле см. М. И. Сухомлинов, Исследования и статьи, т. II, стр. 4.

³⁹ Повидимому, переводы Паппадопуло не прошли во Франции незамеченными. Ср. Т. В. Эмерик-Давид, *Recherches sur l'art statuaire considéré chez les anciens et les modernes*, P., an XIII—1805, где автор среди имен «великих гениев всех стран» упоминает и Сумарокова (стр. 531).

⁴⁰ О французских эмигрантах в России см. Pinguaid, *op. cit.*, pp. 179—207, 415—426, 459, 470, и Naumant, *op. cit.*, pp. 184—197 suiv. Литературу по вопросу об отношении правительства Екатерины к Французской революции см. Н. К. Пиксанов, Два века русской литературы, 2-е изд., М.—Л., 1924, стр. 51—53. Ср. также: С. Пумпянский, Великая Французская революция в освещении екатерининских газет.—«Звезда», 1930, № 9—10, стр. 247—252.

⁴¹ Цитируется по «Письмам Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву», СПб. 1866, стр. 037. В том же 1797 г. перевод этот был напечатан и в Москве под названием: «Julie. Nouvelle russe. Traduite par M. Boulliers, Moscou, 1797».

⁴² «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву», СПб. 1866, стр. 037—038, 044, 82, 91, 92. Самая статья Карамзина перепечатана там же, стр. 471—483; ср. стр. 0186.

⁴³ «От меня требовали несколько строк о Русской литературе вообще и притом извлечения из моих писем». — «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву», стр. 92.

⁴⁴ С. И. Пономарев, Материалы для библиографии литературы о Н. М. Карамзине, СПб. 1883, стр. 47—48.

⁴⁵ «Письма к Дмитриеву», стр. 252, 299 и 301 и прим. на стр. 0015, 0016, 0138—0140. О переводе «Истории» Карамзина см. «Вестник Европы», 1819, ч. 103, № 2—4, и ч. 104, № 5—6. Рецензии на перевод во Франции появились: 1) в официальном «Moniteur», 1820, № 306, от 1 ноября; 2) в «Constitutionnel», 1820, от 13 октября; 3) в «Journal des Débats», 1820, от 5, 10 и 12 декабря; 4) в «Revue Encyclopédique», XIX, p. 689, XXXIV, p. 740 и, вероятно, еще и в других изданиях.

⁴⁶ Ср. А. Ф. Бычков, О баснях Крылова в переводах на иностранные языки.—«Сборник ОРЯС», т. VI, стр. 81—108; «Записки Академии Наук», т. XV, кн. I, стр. 33—60.

⁴⁷ О Дюпре де Сен-Море см. «Остафьевский Архив», т. I, стр. 631—632; ср. также письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 13 августа 1819 г., где сообщается, что приехал «ультрароялист Сен-Мор, ... не без ума, но почти без таланта» (там же, стр. 288). Впрочем, L. Jousserandot, *Pouchkine en France («Le Monde Slave»)*, 1918, № 7, janvier, p. 39 называет его бонапартистом; в этой статье приводятся также (p. 44) некоторые данные о том, как встречена была «Anthologie Russe» критикою.

⁴⁸ Б. Л. Модзалевский, Яков Николаевич Толстой (биографический очерк), СПб. 1899 (оттиск из «Русской Старины» за 1899 г., №№ 9 и 10); Центрархив, «Революция 1848 г. во Франции». Донесения Я. Толстого, Л., 1926; Е. В. Тарле, Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение. Июльская монархия, Вторая республика, начало Второй империи—в настоящем издании, т. II, стр. 563—662.

⁴⁹ Jean Kryloff, *Choix des fables, traduites par F. R.* (SPB. 1822). В «Catalogue des Russica» (t. I, p. 677) ошибочно указано Riffé вместо Reif.

⁵⁰ Напечатанный в «Anthologie Russe» перевод этой басни был сделан Ксавье де Местром. Перевод этот перепечатан и в брошюре Я. Н. Толстого.

⁵¹ О М.-А. Жюльене см. в настоящем издании: вступительную статью К. Державина к публикации пьесы Жюльена «Обеты гражданок» (т. I, стр. 539—544) и статью С. Дурылина, П. А. Вяземский и «Revue Encyclopédique» (т. II, стр. 89—108).

⁵² Об Hégeau см. «Остафьевский Архив», т. III, стр. 512, а также статью Ж. Порше (библиотекаря парижской Национальной библиотеки), К истории русского фонда Национальной библиотеки.—«Временник Общества Друзей Русской Книжки», вып. II, Париж, 1928, стр. 49—54. Перечень статей и рецензий Эро в «Revue Encyclopédique» см. P.-A.-M. Miger, *Table décennale de la Revue Encyclopédique*, P., 1831, т. I, pp. 416—423.

⁵³ В работе историка французской журналистики Eugène Hatin, *Bibliographie historique et critique de la presse périodique française*, P., 1865 (по указателю), несмотря на заявление, что журнал «Revue Encyclopédique» «по заслугам пользовался уважением» и что в нем «сотрудничали самые выдающиеся люди эпохи», о нем даны

весьма скудные сведения. В другой работе E. Natin, *Histoire de la presse en France (1631—1865)*, P., 1864, совсем не упоминается о «Revue». H. Avenel, *Histoire de la presse française depuis 1789 à 1900*, P., 1900, p. 382, ограничивается о нем также лишь кратким упоминанием. Это дает основание считать журнал недостаточно распространенным.

⁵⁴ Цитируем по русскому переводу этой статьи в «Вестнике Европы» (1824, ч. 132, № 22, стр. 103), помещенной там под заглавием: «Некоторые замечания Россиянина, живущего ныне в Париже, на Антологию г. Дюпре де Сен-Мора». Русский перевод подписан инициалами А. Р.—это, вероятно, Александр Федорович Рихтер, переводчик, сотрудник петербургских и московских журналов 20-х годов XIX в. К сожалению, русский перевод был напечатан не полностью: «Мы должны были выпустить несколько строк из сей пиесы,—пишет редактор «Вестника Европы» (стр. 113—114, прим.),—и напоследок здесь остановиться. В окончании, как читатель мог уже заметить, говорится о самой щекотливой и раздражительной половине словесности нашей, еще в живых находящейся. Предлагать о ней свои мнения небезопасно. „Irritable genus vatum“».

⁵⁵ Более подробно об этом см. «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. (Материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX в.)», со вступительной статьей и примечаниями А. А. Чебышева, СПб. 1911, стр. 15—16; ср. также стр. 69, 72—73, 84—85; ср. еще В. Ф. Б о ц я н о в с к и й, К истории русского театра. Письма П. А. Катенина к А. М. Колосовой. 1822—1826 гг., СПб. 1893, стр. 47—48.

⁵⁶ О Б а л ь б и см. «Остафьевский Архив», т. III, стр. 521; ср. «Сын Отечества», 1828, ч. СХVII, стр. 103—107 и 189—193; ч. СХIX, стр. 64—80, 175—190, 263—278 и 360—375.

⁵⁷ «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», стр. 16—17, 86, 87, 95, 96, 102, 103, 107.

⁵⁸ Ю. В. К о с о в и М. В. К ю х е л ь б е к е р, Вильгельм Карлович Кюхельбекер. 1797—1846.—«Русская Старина», 1875, июль, стр. 342—343.

⁵⁹ «Остафьевский Архив», СПб. 1899, т. II, стр. 201, 500, 501.

⁶⁰ «Записки П. Ф. Гаккеля о 14 декабря 1825 г.».—«Летопись занятий историко-археологической комиссии Академии наук СССР за 1926 г.», Л., 1927, стр. 262; ср. «Дневник В. К. Кюхельбекера», Л., 1929, предисловие Ю. Тынянова, стр. 9—10.

⁶¹ «Русская Старина», 1875, июль, стр. 342; ср. также Н. И. Г р е ч, Записки о моей жизни, СПб. 1886, стр. 383.

⁶² О русских интересах и отношениях г-жи Сталь см. в настоящем томе (стр. 215—330) статью С. Д у р ы л и н а, Г-жа де Сталь и ее русские отношения.

⁶³ Орывки из «*Dix années d'exil*», касающиеся России, были в свое время переведены на русский язык и под заглавием «Воспоминания г-жи Сталь о России. Москва—С.-Петербург» помещены в «Новостях Литературы» (прибавления к «Русскому Инвалиду») за 1822 г., кн. I. Однако, перевод этот и сокращенный, и вольный. Только-что приведенная цитата передана так: «Многие благородные россияне упражнялись в Литературе и показали отличные таланты на сем поприще. Но благотворные лучи просвещения не успели еще распространиться на все сословия, постоянное занятие и здравый вкус не успели еще соединить полезных идей в одно целое» (стр. 179—180). Вот и все. К этому примечание переводчика: «Сочинительница имела, как кажется, весьма поверхностные сведения о Русской Литературе. Как жаль, что у нас не было своего Шлегеля, который бы познакомил ее с сокровищами оной, столь же многочисленными, как и разнообразными».

⁶⁴ О Jean-Marie Ch o r i n см. «Остафьевский Архив», т. III, стр. 390—391.

⁶⁵ J.-M. H é g u i n d e G u e r l e, *Les veillées russes, 1827*—см. «Остафьевский Архив», т. III, стр. 505. В дополнение к имеющимся там сведениям можно указать, что Эжен де Герль был, по его словам, «профессором французского красноречия на словесном факультете», но где именно—неизвестно. Следует отметить, что в конце вступительной статьи к «*Les veillées russes*» упоминаются Рылеев и Александр Бестужев, как поэты и как деятели 14 декабря.

⁶⁶ Роль русских популяризаторов и пропагандистов русской литературы на Западе, в частности, во Франции, еще недостаточно изучена. Больше всех поспаслилось кн. Э. П. Мещерскому; о нем см. работу А. М а з о п в настоящем издании, т. II, стр. 373—490, а также статью С. Д у р ы л и н а, Русские писатели у Гёте в Веймаре.—«Литературное Наследство», 1932, № 4—6, стр. 222—236.

Попутно следует отметить статью одной *Demoiselle russe*, *Etat actuel de la Littérature Russe*, помещенную в октябрьской книжке «*Bibliothèque Universelle*», 1829, вышедшую также отдельно и затем перепечатанную в 1832 г. в «*Karlsbader Almanach*». Автором этой статьи была Анастасия Семеновна Х л ю с т и н а

(впоследствии по мужу графиня Сиркур)—см. «Остафьевский Архив», т. III, стр. 635—636. Статья А. С. Хлюстиной в русском переводе была помещена, также анонимно, в «Галатее», 1830, ч. 12, № 7, стр. 3—17.

⁶⁷ Наиболее ранним упоминанием о Пушкине в западной литературе надо, повидимому, считать заметку в «Revue Encyclopédique», 1821, t. XI, p. 382. См. М. П. Алексеев, Пушкин на Западе.—«Пушкинский Временник Пушкинской Комиссии», вып. 3-й, М.—Л., 1937, стр. 104, 105, см. также «Остафьевский Архив», т. II, стр. 501; Louis J o u s s e r a n d o t, Pouchkine en France.—«Le Monde Slave», 1918, № 7, janvier, pp. 32—56. Подробный, но далеко не полный перечень переводов из Пушкина на французский язык—G. L a n s o n, Manuel bibliographique de la Littérature Française, P., 1925, p. 1178.

⁶⁸ S c h n i t z l e r Жан-Анри (1802—1871)—преподаватель немецкого языка в семье герцога Орлеанского; впоследствии Шницлер выпустил ряд трудов, касающихся России: «Histoire intime de la Russie», P., 1845, 2 vols.; «La Russie et son agrandissement territorial depuis quatre siècles», P., 1854; «La Russie ancienne et moderne», P., 1854. Ср. упомянутую уже статью Е. В. Тарле в настоящем издании, т. II, стр. 583, 650, 651.

⁶⁹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 122, 129.

⁷⁰ А. С. Орлов, «Слово о полку Игореве» в переписке Маркса и Энгельса.—Сборник «Карлу Марксу—Академия наук», Л., 1934, стр. 643—655. О французских переводах «Слова» см. «Journal de Moscou», 1938, от 25 мая.

⁷¹ О Жюльвекуре—см. «Остафьевский Архив», т. III, стр. 699—700. Для характеристики «Балалайки» приводим отрывок из предисловия: «Императора [Николая I] нам изображали в качестве жестокого северного султана, неограниченного владыки, тяготеющего своей железной рукой на каждом из подданных, а мы видим его посреди своего народа, любимым, ласкаемым, обожаемым наподобие отца» (стр. VIII—IX).

⁷² Относительно некоторых подробностей истории создания в Collège de France кафедры славянской литературы см. также А. Л. Погодин, Адам Мицкевич, его жизнь и творчество, изд. В. М. Саблина, М., 1912, т. II, стр. 266—271. Большое участие в этом деле принял известный тогда журналист (главный редактор газеты «Courrier Français»), экономист и политический деятель F a u c h e r Леон (1803—1854), женатый на Воловской, кузине жены Мицкевича, стремившейся, помимо желания устроить благосостояние Мицкевича, создать, благодаря этой кафедре, центр для польских эмигрантов («elle offrirait un centre aux polonais exilés»). Отметим, кстати, довольно странную ошибку Louis Léger (p. 208), сперва смешавшего Леона Фоше с зятем Виктора Гюго Полем Фуше, а затем (p. 209) называвшего его Леоном Фуше.

⁷³ Louis Léger, Russes et Slaves. Deuxième série, pp. 210—211.

⁷⁴ Самый курс по стенограммам лекций Мицкевича был опубликован в 1849 г. под названием «Les Slaves. Cours professé au Collège de France», vols. I—III, P., 1849. Ранее вышли польский и немецкий переводы, выдержавшие затем ряд изданий. Изложение курса см. L. Léger, Russes et Slaves, t. II, pp. 218—233; А. Л. Погодин, op. cit., т. II, стр. 271—308.

⁷⁵ А. А. Котляревский, Сочинения, т. IV, стр. 415.—Сборник Отд. русск. яз. и словесности Ак. наук, т. 50, СПб. 1895, статья «Литературный подлог» (по поводу сборника «Die Balalayka». Russische Volkslieder, gesammelt von J. Altmann, Berlin, 1863); в этой статье, перечисляя факты вопиющего невежества европейских авторов, пишущих о России, в вопросах русской культуры и литературы, Котляревский, между прочим, отметил: «Известный французский славянист Киприан Робер в одной из своих статей о России довольно подробно говорит о великом русском поэте Тшири (Tschiri)». На самом деле, речь идет о нескольких строчках в статье C. R o b e r t, Les quatre littératures slaves. Renaissance des lettres dans l'Europe Orientale («Revue des Deux Mondes», 1852, t. XVI, p. 1135), с отзывом о книге Щ и р о г о (Chtchiri), Жизнь без горя и печали, СПб. 1845. И. М. Щ и р ы й—псевдоним писателя А. Ф. Погоского, названная книга которого, действительно, имела в то время успех.

⁷⁶ Эти статьи С. Робера следующие: 1) «Les quatre littératures slaves».—«Revue des Deux Mondes», 1852, t. XVI, p. 1116—1147; 2) «Le Gouslo et la poésie populaire des Slaves».—«R. D. M.», 1853, t. II, p. 159—1200; 3) «La poésie slave au XIXe siècle, son caractère et ses sources».—«R. D. M.», 1854, t. VI, pp. 140—169.

⁷⁷ Луи Леже был слушателем Ходзько. В своих «Souvenirs d'un Slavophile 1863—1897», P., 1905, а также и в цитированной выше статье о славянской кафедре в Collège de France Леже сообщает некоторые довольно скудные данные о Ходзько.

⁷⁸ А. И. Герцен, Полн. собр. соч., т. XVII, стр. 178—217 (франц. текст), 217—259 (русский перевод); ранее русский перевод был дан в «Русском Богатстве», 1912, №№ 3 и 4.

⁷⁹ Мериме принадлежат переводы «Пиковой дамы», «Цыган», «Гусара», «Выстрела», «Ревизора», «Мицери» (совместно с Тургеневым) и др. Кроме того, в «Revue des Deux Mondes» были напечатаны его статьи о Гоголе (1851, 15 ноября) и о «Записках охотника» (1854, 1 июля); см. Prosper Mérimée, *Études sur la littérature russe*, t. I, P., 1931 (под ред. H. Mongault, рецензия в «Revue critique», 1931, № 10, p. 475—476); t. II, P., 1932. О Мериме см. Anatole Winogradoff, *Mérimée et la langue russe*.—«Revue de littérature comparée», 1927, fasc. 4, pp. 747—751; A. K. Винogradov, Мериме в письмах к Соболевскому, М., 1928; Henri Mongault, *Mérimée et Pouchkine*.—«Le Monde Slave», 1930, t. IV, pp. 25—45 et 201—226; Henri Mongault, Mérimée, Beyle et quelques Russes.—«Mercure de France», 1928, от 1 марта; H. Mongault, Mérimée et l'histoire russe.—«Mercure de France», 1932, № 2; о Мериме и Гоголе: Louis Léger, *Nicolas Gogol*, P., 1914 (гл. XI, стр. 204—217, на стр. 209—215—перечень неправильностей в переводах Мериме из Гоголя); В. Горленко, Отблески. Заметки по словесности и искусству, гл. «Гоголь и иностранцы», 2-е изд., СПб. 1908, стр. 8—13; Eugène Duchesne, *Mérimée et Gogol*.—«Revue de littérature comparée», 1929, p. 140 etc. Кроме того, см. Nesselstrauß, *Mérimée und die Russen*.—«N. Zürcher Zeitung», 1927, 6 ноября, и W. Friedmann, *P. Mérimée und die russische Literatur*.—«Festschrift Wechsler», Jena, 1929.

⁸⁰ Мармье перевел «Бахчисарайский фонтан», «Метель», «Станционного смотрителя», «Героя нашего времени», «Шинель» и ряд произведений второстепенных писателей. О нем см. René Martel, *Xavier Marmier: un précurseur ignoré des études slaves en France*.—Сборник «Mélanges publiés en l'honneur de Paul Boyer», P., 1925, pp. 289—296.

⁸¹ Из Пушкина Луи Виардо перевел: «Капитанскую дочку», драматические произведения, «Евгения Онегина» (прозой), «Дубровского» и др.; из Гоголя: «Тараса Бульбу», «Записки сумасшедшего», «Коляску», «Старосветских помещиков», «Вия» (перевод последнего впервые был напечатан в «Journal des Débats», 1845, №№ от 16, 17 и 18 декабря, со вступлением от редакции, характеризующим творчество Гоголя). Ср. Sainte-Beuve, «Premiers Lundis», P., 1879, t. III, p. 24—38—отзыв от 1. XII. 1845 о переводе Виардо и о встрече самого Сент-Бёва с Гоголем; из Тургенева были переведены Виардо «Первая любовь» и ряд более ранних повестей.

⁸² Achille Tardif de Mello, *Histoire intellectuelle de l'Empire de la Russie et des peuples européens et de leurs divers gouvernements*, P., 1854. Рецензия об этой книге Н. И. Сазонова—в журнале «L'Atheneum Français» за 1855 г., № 8 (от 24 февраля). К работе над этой книгой автор, повидимому, приступил еще в 1836 г., когда переписывался по поводу нее с Пушкиным. См. П. Е. Щеголева, Пушкин и Тардиф. Незданное и неизвестное.—«Звезда», 1930, № 7, стр. 232—240. Книга Тардифа представляет собою хрестоматию, сопровождаемую малоценным опытом истории русской литературы; отзыв о ней Щеголева слишком снисходителен. О Тардифе см. также А. И. Герцен, Собр. соч. под ред. М. Лемке, т. XIII, стр. 581, 595.

⁸³ Делоаво переводил преимущественно Тургенева (в «Revue des Deux Mondes», 1854—1858 гг.); там же помещены его статьи о русской литературе.

⁸⁴ См. рецензию на книгу Луи Леже о Гоголе—Ю. А. Веселовский, Французская книга о Гоголе.—«Вестник Воспитания», 1914, кн. IX.

⁸⁵ Alfred Rambaud, *La Russie épique*, P., 1875 (2-е изд. должно было выйти под ред. Э. Омана и Л. Леже в 1914 г. в изд-ве Maison-Neuve; осуществилось ли оно, установить не удалось). Эта работа представляла серьезный вклад в изучение русского эпоса. См. отзывы о ней: К. Н. Бестужев-Рюмин—«Журнал Министерства Народного Просвещения», 1876, кн. 9, отд. II, стр. 85—89; ср. «Вестник Европы», 1876, № 4.

⁸⁶ Paul Boyer, *Louis Léger* (13 janvier 1844—30 avril 1923).—«Revue des études slaves», 1923, fasc. 1—2, p. 128. О Леже см. также: В. И. Модестов, О Франции, 1889, стр. 253—273; П. А. Лавров, Памяти Л. Леже.—«Известия Русского Отделения Ак. Наук», 1923, т. XXVIII, стр. 427—441; Fr. Pastriek, *Louis Léger*.—«Slavia», 1923—1924, Ročník II, Sešit 2—3, str. 576—577; A. Mazon, *Louis Léger. Nécrologie*.—«Revue des études slaves», 1923, fasc. 1—2, pp. 170—171; A. Mazon, *Les études slaves*.—«La Science française», 2-е éd., P., 1933, pp. 454—455; здесь же на стр. 468—наиболее подробный список отдельно изданных трудов Леже.

⁸⁷ «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1904, № 12, отд. Современная Летопись, стр. 113. Ср. статью L. Léger, *Les études russes en France*.—«La Russie», éd. P. Larousse, P., 1892.

⁸⁸ О Вогюэ, как руссоведе, см.: A. Mazon, *Le vicomte Eugène-Melchior de Vogüé et les études russes.*—«Revue des études franco-russes», 1910, № 4, от 15 апреля, pp. 137—144. Недавно вышедший дневник E.-M. de Vogüé, *Journal. Paris—Saint-Petersbourg, 1871—1883*, P., 1932, остался мне недоступен, равно как и работа Léon Le Meur, *L'adolescence et la jeunesse d'Eugène-M. de Vogüé*, P., 1932. Наиболее полная библиография о Вогюэ дана в диссертации E. Tillmann, *Eugène-Melchior de Vogüé. Seine Stellung in der Geistesgeschichte der Zeit*, Bonn, 1934, 94 Ss.

⁸⁹ И. Д. Гальперин-Каминский, *Руссоведение во Франции.*—«Русская Мысль», 1894, № 9, отд. 2, стр. 36—40.

⁹⁰ L. Léger, *Les études russes en France.*—«La Russie», éd. Larousse, P., 1892, p. 483.

⁹¹ A. Mazon, *Les études slaves.*—«La Science française», 2-e éd., t. II, p. 457.

⁹² Ср. Violet le Duc, *L'art russe*, P., 1877; C. Cui, *La musique en Russie, P., 1880*; Alb. Soubiès, *La musique en Russie, 1898*; более поздние работы L. Réaux о русской архитектуре и искусстве.

⁹³ О нем см. Louis Léger, *La Russie intellectuelle*, P., 1914, pp. 83—84; ср. также «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1886, № 10, стр. 416—417.

⁹⁴ О Гальперине-Каминском см. «Исторический Вестник», 1892, т. L, декабрь, стр. 855—857; ср. также С. А. Венгеров, *Источники Словаря русских писателей*, СПб. 1900, стр. 694. Умер Гальперин-Каминский в 1936 г.

⁹⁵ Резко отрицательный отзыв о книге Léon Sichler см. П. О. Морозов, *Иностранное сочинения о русской литературе.*—«Журн. Мин. Нар. Пр.», 1887, ч. 251, кн. 5, отд. II, стр. 179—181.

⁹⁶ О книге Ernest Dupuy см. В. Горленко, *Отблески. Страницы литературы и искусства*, 2-е изд., СПб. 1908, стр. 13—15.

⁹⁷ О Wyzéwa неоднократные упоминания в «Письмах из Парижа» Л. Леже; ср. также статью З. А. Венгеровой («Вестник Европы», 1895, № 10) о книге Т. де Визева «Наши учителя».

⁹⁸ Об Arvède Barine несколько упоминаний у Леже в «Письмах из Парижа» и статья Ch. Salomon, *L'Abécédaire de Tolstoï et Arvède Barine.*—«Mélanges publiés en l'honneur de Paul Boyer», P., 1925, pp. 49—60.

⁹⁹ Русский перевод—Э. Род, *Идеалистическая реакция во французской литературе.*—«Русский Вестник», 1893, № 1, стр. 135—157.

¹⁰⁰ Частичный русский перевод книги Emile Hennequin—см. Вогюэ и Геннекен, *Граф Л. Н. Толстой*, М., 1892.

¹⁰¹ Эпизод этот послужил темой для специального этюда—М. К. Клеман, «Записки охотника» и французская публицистика 1854 года.—Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 305—314. Перевод Шарьера выдержал до 1912 г. еще 12 изданий; за это же время вышло еще 6 других переводов «Записок охотника», а в последние годы появилось еще 6 переводов. Материал для характеристики роли Тургенева в истории взаимного литературного изучения России и Франции см. также в настоящем издании: А. Мазон и М. Горлин, *Неизданные письма И. С. Тургенева к Дюкану, Флоберу и Эд. Гонкуру* (т. II, стр. 663—706) и М. К. Клеман, *И. С. Тургенев и Проспер Мериме* (т. II, стр. 707—752). Ср. М. К. Клеман, *Эмиль Золя. Сборник статей*, ГИХЛ, Л., 1934, стр. 167—171.

¹⁰² Ср. М. Алданов, *Толстой и Роллан*, П., 1915. Об интересе к Толстому и его влиянии во Франции см. также в настоящем издании: М. Чистякова, *Лев Толстой и Франция* (т. II, стр. 981—1025).

¹⁰³ Библиографию переводов Салтыкова-Щедрина на французский язык см. С. Макашин, *Щедрин в иностранной литературе.*—«Литературное Наследство», 1934, № 13—14, стр. 673—698.

¹⁰⁴ Jules Lemaître, *De l'influence récente des littératures du Nord.*—«Revue des Deux Mondes», 1894, 15 декабря; перепечатано в «Les Contemporains», IV.

¹⁰⁵ Библиографию франко-русского союза (на иностр. языках) см. R. J. Кернер, *Slavic Europe. A selected bibliography in the Western European languages*, Cambridge, Harvard University Press, 1918, pp. 59—60. На русском языке см. М. Н. Покровский, *Дипломатия и войны царской России в XIX столетии*, М., 1923; М. Н. Покровский, *Внешняя политика в России в XX в.*, М., 1926.

¹⁰⁶ О Камена д'Альмейда см. «Revue des études russes», 1899, № 1, p. 26; «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1898, № 11, Совр. Лет., стр. 11. В 1932 г. он выпустил в издательстве Colin, в серии «Géographie universelle», том пятый—«Russie d'Europe et d'Asie».

¹⁰⁷ «Revue des études russes», 1899, № 1, pp. 26—27 suiv., № 2, p. 60; J. Patouillet, *Les études russes contemporaines en France.*—«Известия АН, VI серия», 1916, № 18; A. Mazon, *Les études slaves.*—«La Science française», P., 1933, 2-e éd., t. II.

¹⁰⁸ Его работы: Charles de L a r i v i è r e, *L'Alliance franco-russe*, P., 1887; Catherine II et la Révolution française, d'après des nouveaux documents, P., 1895; La France et la Russie au XVIIIe siècle. Etudes d'histoire et de littérature franco-russe, P., 1909.

¹⁰⁹ Речи их напечатаны в выпущенном Обществом любителей российской словесности при Московском университете сборнике «Гоголевские дни в Москве», М., 1909.

¹¹⁰ С. В. С о л о в ь е в, Современное положение русского языка и литературы во Франции.—«Вестник Харьковского Историко-Филологического Общества», 1912, вып. II, стр. 24—26.

¹¹¹ См. «Mélanges publiés en l'honneur de Paul Boyer», P., 1925, p. V; об Институте см. Jules P a t o u i l l e t, Les études russes contemporaines en France.—«Изв. АН, VI серия», 1916, № 18, стр. 1783 сл.

¹¹² См. «Revue des études slaves», 1929, fasc. 1—2, p. 216.

¹¹³ Недавно умерший Дюшен (Eugène D u c h e s n e)—автор: 1) M. J. Lermontov, sa vie et ses œuvres, P., 1910 (русский—неполный перевод: «Поэзия М. Ю. Лермонтова в ее отношении к русской и западно-европейской литературе», Казань, 1914); 2) Le Stoglav ou les cent chapitres, P., 1920; 3) Le Domostroï, P., 1925.

¹¹⁴ Не следует упускать из виду и ряда работ литературоведческого характера, принадлежавших перу переводчиков и литераторов: Jacques F l a c h, Un grand poète russe. A. Pouchkine, P., 1894; Osip L o u r i é, Psychologie des grands romanciers russes du XIXe siècle, P., 1905; T o l s t o ï, La vie de Tolstoï, l'œuvre, le tolstoïsme. Tolstoï et son temps, P. (s. a.); Pierre K o r v i n - K r u k o v s k i, Le théâtre en Russie depuis ses origines jusqu'à nos jours, P., 1890; Serge P e r s k y, Les maîtres du roman russe contemporain, P., 1912. Также переводы и статьи Ш. С а л о м о н а, Ж. Ш ю з в и л я, Д. Р о ш а и др. Большое значение имеют публикации Г а л ь п е р и н а - К а м и н с к о г о писем Тургенева к Полине Виардо и к ряду французских корреспондентов.

¹¹⁵ Georges M i c h o n, L'Alliance franco-russe 1891—1917, P., 1927, p. 304. В этой работе собран интересный архивный и газетный материал.

¹¹⁶ «Историк-Марксист», 1933, № 1, стр. 144—146, отмечает антисоветский характер этого журнала.

¹¹⁷ «Revue des études slaves», 1927, fasc. 3—4, pp. 175—176. В последующих номерах этого журнала в отделе информации дается хроника этого общества.

¹¹⁸ Кроме упомянутой раньше статьи «Pouchkine en France» («Le Monde Slave», 1918), см. Louis J o u s s e r a n d o t, Les bylines russes. Introduction, traduction et commentaires, P., 1927; кроме того, им дан новый перевод «Войны и мира» Л. Толстого, а также ряд других переводов.

¹¹⁹ А. М о н г о занимается, главным образом, П. Мериме и его связями с русской литературой. Под редакцией Монго в издательстве Броссар вышли переводы русских авторов: 1) Théâtre de Tourguénev; 2) Théâtre tragique de Mérežkovskii; 3) «Le Duel» de A. Kouprine; 4) «Le Village» de I. Bounine; 5) «Le Démon mesquin» de Th. Sologub; 6) «Les Tchouraïev» de Jouri Grébensčikov.

¹²⁰ См. «Записка об ученых трудах проф. А. Мазона».—«Известия АН СССР, Отделение Гуманитарных Наук», 1928, № 8—10, стр. 466—470. См. также Н. Ф. С у м ц о в, Научные труды А.-А. Мазона.—«Южный Край», 1914, № 11963.

¹²¹ Важнейшие рецензии на книгу Мазона о Гончарове: Ф. Д. Б а т ю ш к о в — «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1914, № 9; Е. А. Л я ц к и й — «Изв. Отд. Русск. Яз. и Сл. АН», 1914, т. XIX, кн. 4, стр. 284—293; М. Ф. С у п е р а н с к и й — «Голос Минувшего», 1914, № 7.

¹²² О Легра см. «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1898, № 11, Совр. Лет., стр. 11; 1899, № 4, Совр. Лет., стр. 109; «Revue des études slaves», 1929, fasc. 1—2, p. 216; «Гоголевские дни в Москве», М., 1909, стр. 75—79. Важнейшие работы Легра по русской литературе: «La littérature en Russie», P., 1929 (рецензия А. Мазона—«Revue critique», 1929, pp. 524—527); об искусстве Гоголя («Revue des cours et conférences», 1931); о Толстом («Le Monde Slave», 1928, № 8). С автобиографической книгой Легра «Mémoires de Russie», P., 1921, познакомиться не удалось.

¹²³ Jules L e g r a s, Au pays russe, P., 1895 (4-e éd., 1910); J. L e g r a s, En Sibérie, P., 1898 (3-e éd., 1913); J. L e g r a s, L'âme russe, P., 1914. Ср. И. Э р е н б у р г, Русская душа.—«Известия», 1934, от 28 октября.

¹²⁴ «Горькая судьбина» Писемского вышла не в 1863 г., а в 1859 г.; дебют Горького относится не к 1894 г., а к 1892 г.; Брюсов умер не в 1927 г., а в 1924 г.; В. Соловьев не участвовал в «Козьме Пруткове» и т. п.

¹²⁵ Андре Лирондель—с 1930 г. ректор Академии в Лионе, а до того в Клермон-Ферране (см. «Revue des études slaves», 1927, fasc. 1—2, p. 176), ранее проф. в Лилле

(после Е. Naumant, с 1902 г.). О Лиронделе см. также «Гоголевские дни в Москве», 1909, стр. 74—75.

¹²⁶ Рецензии о книгах Лиронделя см. «Русская Мысль», 1913, № 3; «Русский Библиофил», 1913, № 3, стр. 101; № 4, стр. 90; «Русское Богатство», 1913, № 6; «Исторический Вестник», 1913, № 6; «Речь», 1913, № 295 от 28 октября; кроме того, перечень рецензий о книге Лиронделя об Алексее Толстом см. В. Н. Бенешевич, Обзорение трудов по славяноведению, 1913, вып. II, стр. 402.

¹²⁷ Перечень рецензий на книгу Патуйе см. В. Н. Бенешевич, *op. cit.*, вып. II, стр. 389.

¹²⁸ Н. К. Пиксанов, Островский. Литературно-театральный семинарий. Иваново-Вознесенск, 1923, стр. 22—24; «Лит. Энциклопедия», т. VIII, стр. 479—480, где имя Патуйе указано ошибочно Жорж—следует Жюль.

¹²⁹ См. его некролог, написанный А. Мазоном в «Revue des études slaves», 1931, fasc. 3—4, pp. 283—286, и предисловие П. Буайе к книге А. Мартеля о Ломоносове, pp. I—III.

¹³⁰ Ломоносов, Сочинения, изд. Академии наук, т. I, стр. 12—13.

¹³¹ Пушкин—*La fille de capitaine*, Nouvelles; Лермонтов—*Un héros de notre temps*; Гоголь—*Récits de Pétersbourg*, Le portrait; Тургенев—*Premier amour*, Nouvelles, *Poèmes en prose*; Достоевский—*L'éternel mari*, *Contes fantastiques*; Толстой—*Hadjimourad*; Лесков—*Le vagabond ensorcelé*; Чехов—*Une morne histoire*; сборник «*De Pouchkine à Tolstoï*».

¹³² Об этой серии см. «Revue des études slaves», 1927, fasc. 3—4, p. 280; пока, насколько удалось установить, вышли «Мертвые души», «Дневник писателя», «Четыре книги для чтения», «Идиот», «Преступление и наказание».

¹³³ В эту серию вошли: В. Иванов—*Le train blindé numéro 1469*, 1927 (5-е éd.); Л. Сейфуллина—*Virineya*, 1927 (5-е éd.); В. Катаев—*Rastratchiki*, 1928; А. Неворов—*Tachkent ville d'abondance*, 1928 (6-е éd.); К. Федин—*Les cités et les années*, 1930 (3-е éd.); М. Зощенко—*La vie joyeuse*, 1931 (3-е éd.) и др. Помимо этой серии, переводы советских авторов печатались в серии «Horizons». См. «Иностранная Книга», №№ 2 и 3, 1935, стр. 65—73; 56—66.

¹³⁴ К старым работам, как, например, Gaston Loague, *Un homme de génie. Etude médico-psychologique sur Dostoïévsky*, Lyon, 1904, присоединяются новые, вроде Serge Persky, *La vie et l'œuvre de Dostoïévsky*, P., 1918; *Idem*, *Les trois épouses* (о Н. Н. Пушкиной, С. А. Толстой и А. Г. Достоевской), P., 1932; 2-е éd., 1933; André Sугэз, *Trois hommes: Pascal, Ibsen, Dostoïévsky*, P., 1919; *Idem*, *Dostoïévsky*, P., s. a. и др. Русская литература о Достоевском во Франции: М. Зайдман, Ф. М. Достоевский в западной литературе, Одесса, 1911 (библиография, стр. 125—126), изд. 2-е, 1916; Риза-Заде, Ф. Достоевский и современная французская литература.—«Печать и Революция», 1927, кн. 6; *Idem*, Ф. Достоевский в западной критике.—«Литература и Марксизм», 1929, кн. III; Вережков, Ф. Достоевский на Западе.—Сборник «Достоевский», ГАХН, М., 1928, стр. 277—327; см. также «Литература и Марксизм», 1928, кн. V (библиография, стр. 104—106). Переводы Достоевского на французский язык до 1903 г. см. А. Г. Достоевская, Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, СПб. 1906, стр. 232—235; *op. ibid.*, стр. 235—240 и 332, а также VI. Bouchik, *Bibliographie des œuvres littéraires russes traduites en français*, P., 1934, pp. 50—59.

¹³⁵ См. «Иностранная Книга», № 2, 1935, стр. 67—68. Больше всего переводились: «Мать»—«*La mère*», P., 1927; P., 1929; P., 1934; P., 1936 (Préface de Romain Rolland); «В людях»—«*Le patron*», P., 1921, «*En gagnant mon pain. Mémoires autobiographiques*», P., 1923; «В. И. Ленин»—«*V. I. Lénine*», P., 1920; *Lénine et les paysans russes*, P., s. a. 2-е éd., 1925; «Детство»—«*Ma vie d'enfance*», P., 1921; «Souvenirs d'enfance», P., 1927; «Бродяги»—«*Les vagabonds*», P., 1921; P., 1928; P., 1931.

¹³⁶ Из более ранних библиографических работ можно указать: Gr. Ghennadi, *Les écrivains franco-russes*, Dresden, 1874, G. Lanson, *Manuel bibliographique de la littérature française moderne*, nouv. éd., P., 1925, pp. 562, 563, 605, 938, 963, 1125—1128, 1177—1183. Ср. также Louis-P. Bets, *La littérature comparée. Essai bibliographique*. 2-е éd., Strasbourg, 1904, pp. 249—256.